

МИХАИЛ ЦЫГАНКОВ

**ПОСЛЕДНИЙ
ЭКИПАЖ БЕЛОГО КРО...**

16+

Михаил Александрович Цыганков

Последний экипаж Белого кро...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57105561

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь любит преподносить сюрпризы. Ты хотел пойти на военную службу, чтобы заработать денег и открыть гостиницу на Кубе, но вместо этого оказываешься в кресле бортстрелка летучего корабля ВКС России в составе ограниченного контингента в недавно открытом параллельном мире. Зарплата приличная, льготы тоже неплохие, перспективы радужные, но только зачем-то неведомый злодей превратил тебя в лягушку! И как с этим справится наш герой? Роман написан в жанре пародии на романы фэнтези и романы о попаданцах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	66
Глава 10	74
Глава 11	85
Глава 12	93
Глава 13	100
Глава 14	109
Глава 15	116
Глава 16	123
Глава 17	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Сказка для начинающих принцев и новоиспеченных агентов без номера.

Все совпадения с историческими и не историческим лицами и событиями случайны и являются лишь плодом большой фантазии автора.

P.S. При написании романа ни один птеродактиль и си-небрюхий желтопузик не пострадали.

Глава 1

Старт дракона я прошляпил. Залюбовался идущим по своим делам стадом пятнистых короткошерстных мамонтов. Этот редкий вид, в наших широтах почти не встречается. С подозрением смотревший на корабль вожак, поднял хобот и угрожающе затрубил, распугивая дремлющих на елках ночных археоптериксов. В этот момент дракон и стартовал.

С небольшого, густо поросшего дремучим лесом холма он метнулся к нам размытой черной тенью. Нет, не тенью! Стремительной и беспощадной смертью, страхом и ужасом всех летучих кораблей этого мира!

Дракон-камикадзе! Окутанный маскировочной дымкой, рвущийся к цели на столбе вырывающегося прямо из-под хвоста яркого пламени, он был очень похож на пущенную с закрытой позиции ракету «земля-воздух». Пылающие фанатичным огнем, полуприкрытые глаза, прижатые к туловищу маленькие крылья и такой же короткий, слегка обгоревший хвост. Почти полная копия ракеты «пэтриот»!. Именно за неё я дракона и принял. Даже не подумал, откуда здесь «пэтриотам» взяться? А когда понял, что это такое, стало не до размышлений...

Адреналин пошел в кровь. Меня окатило горячей волной, руки вспотели, время замерло, не успевая за стремительно

развивающимися событиями, а сознание... вообще отключилось! Как любил говорить наш инструктор по стрельбе: «Долой разум! Да здравствуют инстинкты!».

Лишь через пару секунд я сообразил, что потными руками изо всех сил жму на гашетку, стараясь не выпускать из прицела рвущуюся к «Неспешному» черную тварь. Гильзы с глухим звоном валяются в гильзоприемник, где-то истошно воеет сирена, а в самой турели дико воняет порохом. Разумеется, стреляю не я один. Сбить чудовище со смертоносного курса пытаются все пулеметы и скорострельные пушки нашего борта, но зверюгу перед стартом кто-то хорошо прикрыл боевыми защитными заклинениями типа «Кевлар», «Дубленая шкура дермонтила» и, разумеется, «Щит Персея». Куда же без него?

Заговоренные пули и снаряды вырывали из защитного поля дракона мгновенно сгорающие синие лоскуты, попутно высекая искры ядовито зеленого цвета. Как метеор, в ореоле разноцветных разрывов, чудовище упрямо пыталось дотянуть до борта «Неспешного». Корабль, взыв двигателями, прыгнул вперед. Защита твари, наконец, истощилась, а запас реактивного топлива иссяк. Чтобы не упасть, зверюга судорожно взмахнула крыльями, и со страшным грохотом взорвалась, успешно доказав своей своевременной кончиной, очевидное превосходство науки над магией. Как говорится заклинания заклинаниями, а против пулемета не попрешь. Осколки, победным салютом, стеганули по брони-

рованной обшивке, но тише после этого не стало. Все бортовые орудия и пулеметы патрульного корабля российского военно-воздушного флота «Неспешный» молотили сейчас по несчастному холму, нанося непоправимый ущерб природе и тем, кто запустил в нас эту жуткую штуку. «Не скоро поляны травой порастут», – подумал я, внося свою лепту в этот акт экологического вандализма, а после команды «Прекратить огонь» стянул трясущимися руками шлемофон и перевел дух.

О черных драконах-камикадзе ни один справочник по занимательному драконоведению не упоминает. Это большая редкость. Штучный товар. Информация закрытая, и распространяемая только среди персонала военно-воздушного флота. Таких тварей выращивают в своих секретных лабораториях злобные темные маги, отказавшиеся подписать международную конвенцию о нераспространении, и, наплевавшие на все нормы гуманизма. Камикадзе размером значительно меньше других драконов и отличаются вздорным характером, и завышенной самооценкой. Всю свою недолгую жизнь они проводят в курении гашиша, мечтах о сияющем рае, где на каждого героя приходится по пятьдесят молодых драконов, прослушивании лекций о своем исключительном предназначении и исполнении песен довольно специфического содержания. Сашка Прокопенко, штурман с «Неторопливого», уверял меня, что сам слышал от особистов, про летучих гадов, которые в момент атаки немзыкально орут пес-

ню Розенбаума: «Парашют оставлен дома, на траве аэродрома». Хотя, должны атаковать молча. Так их гораздо труднее заметить, особенно ночью.

В назначенный час дракону дают до одурения накуриться гашиша, надевают начиненный взрывчаткой и смертоносными заклинаниями пояс. Несчастное животное говорит «Банзай!» и, выстрелив из-под хвоста струю реактивного пламени, устремляется к цели. Кстати, из всех видов драконообразных, только камикадзе могут использовать такой необычный вид форсажа.

Грохот канонады стих, так же внезапно, как и начался. Дирижабль прекратил мутузить несчастный холм, но капитан, почему-то, не стал высаживать десант для зачистки местности. Прямо над моей головой, в насквозь пропахшей порохом турели, непрерывно мигал красный сигнал боевой тревоги. «Неспешный», набирая скорость, рванул к горизонту. Чтобы проверить турель я приоткрыл блистер. Инструкция это запрещает, но ведь я его только приоткрыл и, не теряя бдительности, продолжал рассматривать в прицел окрестные красоты.

Вдалеке, у самого края неба, зажатое с двух сторон довольно высокими горами, лежало большое, правильной формы озеро. Мне кажется, я даже смог рассмотреть на дальнем его берегу какой-то городок. Во всяком случае, маковку церкви точно видел. А если есть церковь, значит городок наш, русский. Как вернусь в лагерь возьму карту и узнаю, как

это чудо природы называется.

Палуба слегка накренилась, левый двигатель загудел громче и дракон вместе со своим седоком пропал из моего сектора обстрела. Корабль резко менял курс..

«Неспешный», набирая скорость, рванул к живописным развалинам, видневшегося неподалеку старого замка.

Глава 2

Вы когда-нибудь видели стремительно атакующий патрульный корабль российского военно-воздушного флота? Не видели? Очень много потеряли. Зрелище потрясающее! Посмотреть есть на что. Раскрашенная в цвета сезонного камуфляжа, здоровенная сигара со свистом рассекает воздух. Сзади уже не гудят – рычат четыре двигателя. Страшно, как раненный пещерный саблезубый мамонт (тоже, кстати, очень редкий вид), воеет корабельный ревун. На носу корабля сверкает золоченый двуглавый орел, а борта с обеих сторон украшает громадная надпись: «Военно-воздушный флот Российской Империи». Зрелище – просто супер, если ты не сидишь внутри этой сигары в маленькой пулеметной турели прямо под второй буквой «С» в слове «российской» и тебя не начинает разламываться от всей этой какофонии башка.

Честно говоря, меня надпись на борту поначалу шокировала. Даже подумал, не случился, ли случайно в стране переворот, пока я добирался до места службы. Но мне объяснили, что с устоями демократии на родине все в порядке, а надпись – это просто тонкий дипломатический ход. Не понимает здешний народ наше политическое устройство. А за рассказы о свободе, равенстве и братстве здесь могут за просто посадить на кол, или голову отрубить – это у кого

какие традиции борьбы с инакомыслием. И переговоры, даже самый зачуханный барон хочет вести только с императором, или его полномочным посланником. Хотя прекрасно понимает, что его замок триста лет, простоявший без капремонта, пара МИ-24 и батальон спецназа «Иван Грозный», специально для таких дел обученный, за полчаса легко по камешкам раскатают. Поэтому, чтобы избежать ненужных проблем и кровопролитий специальная комиссия ООН и приняла резолюцию разрешающую, в силу политической необходимости, изменять на нашей территории названия государств и должности руководителей. Штаты теперь не Штаты, а Объединенное Королевство Северной Америки. Президента Российской федерации здесь при аборигенах надо называть Императором всея Руси, депутатов – боярами, а если какого губернатора или мэра занесет, то не меньше, чем князем. Такая здесь непростая геополитическая обстановка. Я натянул шлемофон и взялся за пулемет, тихим добрым словом вспомнив своего подвахтенного так некстати заболевшего перед самым вылетом на дежурство.

Замок, тем временем, стремительно приближался. Его сильно оплавленная центральная башня уныло возвышалась над густой зеленью деревьев. В прошлые времена, я думаю, здесь неслабо воевали. Масштабы разрушений просто колоссальные. А так – замок как замок. Замков здесь полно. И разрушенные, и недостроенные, и жилые. Я первое время любовался, фотографировал, а потом привык. Развалины как раз-

валины, такой замок легкий патрульный корабль, (по натовской классификации – средний фрегат серии «Нетопырь») сходу на пяток этажей уменьшит, даже скорость не снизит.

Нас иногда ошибочно называют дирижаблем. Но это неправильно. Хотя определенное сходство во внешнем виде есть. Но устройство абсолютно другое! Сколько служу, ни как не пойму, почему он летает. С одной стороны – вроде дирижабль, внутри за броневым корпусом есть цистерны с газом и если очень постараться, их можно пробить (типун мне на язык). Тогда они так бабахнут, настоящая модель взрыва Тунгусского метеорита получится. В масштабе один к одному. А с другой – какой газ может эту бронированную много-тонную тушу поднять в воздух? Не иначе без магии тут дело не обошлось. Тем более, что состав газа строго засекречен и дозаправку цистерн производит лично капитан, да и то под надзором особистов из спецгруппы «Малюта Скуратов». С другой стороны, кроме авиаинженеров, кто-нибудь может популярно объяснить, как летает Боинг 747?

Неожиданно ревун смолк. Значит, пугать здесь некого, или все такие пуганные, что сами кого хочешь, испугают. Из-под брюха, на памятник древней архитектуры, раскрывая в полете свои дельтапланы, посыпались спецназовцы. Складной дельтаплан – вещь отличная. В сложенном состоянии, чуть больше зонтика-трости, а в разложенном – нормальный дельтаплан. Расцветка, конечно, мрачноватая, но на дембель пойду, обязательно себе такой постараюсь достать.

И тут по нам ударили. Слева. Из лесу, ракетами. И, по моему, парочка до нас долетела. Ракеты местного производства хреновые, (ракетостроение у них в зачаточном состоянии) броня вроде выдержала. А может, и нет?! Мне отсюда не видно. С левого борта дало залп все, что могло стрелять, враги, обычно после этого долго не живут. Справа в нас никто стрелять пока не собирался, но для профилактики мы тоже пальнули по деревьям. По левому борту шла нешуточная драка. Вот только с кем? Кто может напасть на мирный патрульный корабль в этих краях, не опасаясь за тяжелые, очень болезненные последствия, и при чем здесь этот уже кем-то разрушенный замок? Кто, вообще, может против нас столько продержаться? Я прислушался к внутренней связи. Один двигатель, все же, был поврежден, броня, действительно, выдержала, но командир объявил пожарную тревогу и страшно обматерил двух корабельных экстрасенсов, которые не могли, как следует поставить защиту не только от ракет, но и от роя полудиких шаровых молний. Экстрасенсы сильно занервничали и пообещали немедленно поставить такой магоблок, что от одного вида которого у молний навсегда пропадет способность к аннигиляции.

Наш командир, капитан первого ранга, Николай Сергеевич Ржевский, отчаянный парень, кадровый военный летчик. Начинал служить пилотом Ми-8, участвовал в подавлении Камелотского мятежа, во время поисков пропавшего «Нового Титаника», потерпел катастрофу в Западной Аф-

рике и две недели шел к ближайшей базе, отпугивая голодных велацерапторов и крокодилов с помощью дезодоранта для мужчин «Гусарская баллада». Дезодорант был, ко всему прочему, патентованным средством от комаров, москитов, термитов, муравьев, скорпионов, ядовитых пауков каракуртов, и гигантских плотоядных стрекоз, сильнодействующим средством по привлечению особ противоположного пола и мощным афродизиак. К концу беспримерного, по своей уникальности перехода, крокодилы стали прятаться от бравого российского военного, а кровожадные ящеры старательно его избегали, предпочитая сдохнуть в пустыне от голода, чем попасться ему на глаза. После этого случая к Ржевскому и приклеилась кличка «Гусар», а знаменитый дезодорант включили в аварийный комплект каждого воздушного судна. Команда «Неспешного» Ржевского уважала и слегка побаивалась, а у женщин при его появлении просто сносило крышу. Одна из них, Анна из Петербурга, фамилию упомянуть не буду, даже бросалась из-за него под любимой бронепоезд барона Шермана. Был большой скандал. Даму спасли, а барона еле смогли убедить, что его любимому бронепоезду не нанесено никаких повреждений. Чтобы замять это дело, штабу пришлось подарить спесивому феодалу почти новенький Газ-69. Но ходили упорные слухи, что бравый каперанг давно влюблен в прапорщика Наташу, простую шифровальщицу из Ростова, и она вроде бы отвечает ему взаимностью.

Почти затихшее слева сражение вдруг напомнило о себе

грохотом новых разрывов. В небе, с моей стороны, стремительно сформировалась внушительная черная туча, и мрачно грохоча, и страшно сверкая молниями, быстро двинулась к нам, увеличиваясь на ходу. Я всадил в нее длинную очередь, но туче было на это глубоко наплевать. Ее разряды уже почти доставали до обшивки. В воздухе резко запахло дождем и озоном, но это меня не порадовало. Кресло бортового стрелка легко могло превратиться в электрический стул. Я вжался в него изо всех сил, поливая тучу из родного и такого близкого мне пулемета. Вот ведь какая тяжелая служба – даже в туалет некогда отойти. Да, очевидно, в этих лесах есть штуки пострашнее драконов-ганфайтеров. Сверху, из боевой рубки корабельных магов, наконец, сорвался лиловый смерч, и, как кнут, со свистом, начал кромсать тучу на куски. Туча в панике пыталась регенерировать, но, поняв, что не успеет, решила выпасть обильными осадками. Причем из одного куска лил дождь, из другого – валил крупный новогодний снег, из третьего – град, из четвертого – лягушки. Что валилось из остальных кусков, рассмотреть было невозможно – обрывки тумана, беснующийся смерч, снег, дождь с градом и падающая рыба сильно ухудшали обзор. Пара крупных кистеперых рыбин шлепнулось мне на бронестекло, а в пулеметный ствол вцепилась зубами большая белая саблезубая пещерная панцирная акула. Она с таким остервенением пыталась перекусить ствол вверенного мне оружия, что я не выдержал, судорожно нажав на гашетку, начал трясти стре-

ляющим пулеметом в разные стороны. От изумления акула разжала челюсти, и ухнула вниз, широко раскрыв пасть.

Облако внезапно исчезло, и я вдруг увидел в прицеле взлетающую летающую тарелку. Вернее, уже не летающую, а стремительно падающую в лес. Пока я пытался стряхнуть акулу и щедро удобрял пулями окрестности, она очень опрометчиво напоролась в тумане на мою очередь. Надсадно ревя двигателем, пилот, пытаясь сбить пламя, сначала сделал бочку, потом, поняв бессмысленность этих попыток, спокойно свалился в штопор, и, отметив место своего падения черным столбом дыма, взорвался.

Я оторопело уставился на этот столб, пытаясь проанализировать раздражающие меня чувства. Во-первых, летающих тарелок, здесь никто никогда не видел. Не водятся они в мире, где не работает электроника. Во-вторых, я где-то такую тарелку уже видел. Хотя я точно помню, что никогда никаких летающих тарелок не наблюдал. С памятью у меня все хорошо. Так что ошибиться я не мог. Придя к подобным заключениям, я загрустил и окинул взглядом поле битвы.

Стрельба почти стихла, только прямо под нами, в развалинах замка, постреливал спецназ. С кем воевали бойцы элитного подразделения «Иван Грозный», мне не было видно, поэтому я стал всматриваться в дымящийся лес, стараясь определить, откуда взлетел таинственный раритет, одновременно сочиняя, на имя командира, рапорт о своем героическом подвиге. Говорят, на фронте давали сто грамм за сби-

тый. Интересно, а как обстоят с этим дела у нас на корабле?

Глава 3

Вы, наверное, читали в сказках: бежит себе мирно по лесу, какая-нибудь Марья Краса – Длинная Коса, или Варвара Искусница, или Василиса Суперумница, а может просто Иван Дурак, орет при этом так, что у окрестных белок навсегда теряется способность к размножению, а дятлы на елках от изумления гусеницами давятся. За ним, естественно, гонится по заповедному лесу, ломая деревья, нарушая экологический баланс и наступая на упавших в глубокий обморок белок, то ли местный Кощей, гремя костями и золотыми цепями, то ли Баба Яга с бензопилой и костяной ногой наперевес, а может страдающий несварением желудка и хроническим гастритом Змей Горыныч, или все сразу – дружным сплоченным коллективом. Бегут они бегут – у Марьи, или Варвары патроны уже закончились, гранат, естественно, тоже больше нет, а бензина в бабкиной бензопиле хоть залейся, и Змей – подонок, напалмом плюется – муравейники по пути поджигает, Кощей своим мечом – кладенцом размахивает. Что делать бедной одинокой девушке в такой тревожной ситуации?

Тут она обычно и вспоминает про подарочек дорогого покойного папеньки, без вести в Крестовом походе сгинувшего, или живой, но находящейся в бессрочном заточении ма-

меньки, или любимой священной коровки Хаврошечки, врагами коварными на мясокомбинат отправленной. Развязывает она на бегу узелок, где подарочек ценный запрятан, смотрит, а там спасательный набор разведчика-диверсанта упрощенный, СНРДу – называется. Наборчик этот не простой. Как раз для таких случаев предназначенный. Если собрался ты идти воровать молодильные яблочки с активными стволовыми клетками, жар-птицу, у которой в желудке самопроизвольно идет реакция холодного термоядерного синтеза, или угнать у супостата ковер-самолет секретный, последней модели – без этого набора ничего у тебя не получится. Даже пытаться не стоит. Лучше сразу пойти к Змею-Горынычу на съедение, может хоть тогда бедняга от прогрессирующего гастрита излечится.

Берет тогда несчастная беглянка платочек батистовый, лебедями белыми по всему полю расшитый и бросает его через левое плечо. А платочек этот не простой, вышивали его мастерицы-рукодельницы в тайных мастерских известного колдуна Черномора. Падает он на землю, и это уже не платочек вышитый, а огромное озеро. Красивое, большое, по поверхности лебеди плавают, но в воду его рискнет сунуться только человек, имеющий непреодолимую тягу к суициду. Потому, как кишит это лебединое озеро различными страшными тварями, по которым все палеонтологические музеи мира плачут. Как плачут и вдовы несчастных палеонтологов, пытавшихся этих зверюг изловить. Если ты отъявленный негодяй,

то волноваться не стоит. Негодяи всегда, почему-то через такие водные преграды перебираются. Зато, пока они думают, как это сделать, глядишь десять – двадцать минут форы у положительного героя и появляется. В конце концов, Кощей, Змей, и Яга через озеро успешно форсируют. Голодные плезиозавры и ископаемые гигантские акулы от огорчения друг друга в нем жрут, а девочка несчастная дальше по лесу бежит.

Ей бы горный велосипед, оно быстрее бы было и тише, а то от топота ее медведи в берлогах просыпаются, а толку от этого никакого. Все ближе и ближе бряцанье золотых цепей Кощеевых. А может это бабкина бензопила так дырчит? Еще чуть-чуть и догонят они красавицу писаную. Тут достает бедняжка из узелка свой последний довод в жестокой борьбе за выживание. На вид он не очень страшный и внушительный, обычный костяной гребень давно не чищенный с перхотью и волосами папенькиными седыми, с посекшимися концами. Что поделать – шампуней от перхоти в те времена еще не изобрели. Берет его Василиса, или Марья и как гранату в своих недругов поганых швыряет. Далеко швыряет метров на 100. Там где гребень падает на землю, вырастает огромный дремучий, абсолютно непроходимый лес. Змей, естественно, затормозить не успевает, и со всей дурри в деревья – бац! У всех трех голов, сотрясение мозга с потерей трудоспособности на длительное время, у Кощея – меч напололам, цепи золотые за ветки зацепились, опутали

его, спеленали, висит он среди веток, качается как сундук со своей смертью. А бабкина бензопила нагрузок не выдерживает. Мотор у нее перегревается и клинит. Начинает Яга со злости деревья зубами грызть, импортный протез ломает, опечаливается, поняв, что бесперспективное это занятие, зубами вставными вековые деревья валить и отправляется в свою Избушку на окорочковых ножках раны зализывать. Конец всем известен, в нужной точке подбирает Василису вертолет, доставляет ее к Иван-Царевичу, женятся они, потом живут долго и счастливо, а умирают в один день. Потому что знали очень много. Такая вот известная народная сказочка. Только кое-что в ней действительно не соответствует.

От костяного гребня лес не вырастает. В месте его падения возникает мощная завеса из многочисленных силовых полей, хаотично перемещающихся по ограниченной площади. Обычно, для достижения отпугивающего визуального эффекта ей и придают вид дремучего темного леса, чтобы меньше народа туда совалось не по делу. Если гребень делают вожди майя, или колдуны Вуду, то вместо соснового бора появляются густые непроходимые джунгли, а шаманы Крайнего Севера имитируют ледяные торосы. Короче говоря, каждый городит то, что его сердцу особенно близко. Прорваться через такой лесок даже стараться нечего. При появлении инородного тела поля приходят в движение и раскачивают незваных гостей, как паровой каток черепаху. Идти напролом – абсолютно бесполезное занятие. Надо просто

подождать пока запас магической энергии закончится. Лесок сам тогда исчезнет в туманной дымке, или самое простое – взять и перелететь непроходимую преграду. Вот тут на первое место выходит умение бросать гребень так, чтобы летучие преследователи не смогли увернуться или затормозить и всей эскадрильей героически погибли в этом рукотворном чуде. Рукотворное – потому, что никто еще не смог наладить массовый выпуск гребней. Каждый гребешок маг, волшебник, колдун или шаман делает в ручную, используя массу редких и часто не очень приятных ингредиентов. Концерн «Росмагоборонэкспорт» пытался наладить выпуск отечественной модели под названием «Дубы – колдуны», но ничего хорошего из этого не вышло. Вместо непролазной чащи, получилась жалкая лесополоса, сквозь которую мог легко прорваться не то что танк, но и тяжело вооруженный рыцарь, если разгонится хорошо.

Лес, который появился километрах в двух от замка, явно делали не передовики производства из «Росмагоборонэкспорта». В лучах заходящего солнца возвышалась огромная, как китайская стена, чащоба, окутанная зловещим туманом. Может, мне показалось, но среди деревьев я видел ржавые вышки сотовой связи и линии электропередач с оборванными проводами. Вот так всегда, только соберешься расслабиться, вытащишь из внутреннего кармана бутылочку коньяка, сделаешь пару глотков, и тут – бац, отдых после боя накрылся тяжелым панцирем большой пещерной черепахи.

А как хорошо все начиналось. Гул сражения стих, но в лесу еще, что-то горело и временами взрывалось. Все живое вокруг нас на всякий случай затаилось, не рычали саблезубые тигры, не трубили мамонты, не токовали на скалах панцирные дятлы. Нигде не было видно парящего птеродактиля, или вылетевшего на ночную охоту вампира. Только спецназ шурувал в развалинах, изредка постреливая и прося подсветить прожектором. Бравые парни из «Ивана Грозного» нашли очень старую взлетную полосу, с которой и взлетела моя тарелка, расчистили ее, зажгли посадочные огни. Нет, определенно это не простой замок!

И тут – завеса, непробиваемая для света прожекторов. Кто-то явно решил покинуть наш маленький театр военных действий, не дожидаясь окончания спектакля. Саблезубым тиграм, болотным кикиморам и водяным в окрестных речушках сегодня ночью выспаться вряд ли удастся. Корабль прыгнул вверх и завис над стеной, шаря по земле мощными лучами. Никого, вообще никого. Нет, может под деревьями, кто-нибудь, и спрятался, но для чего тогда огорождать, народ тревожить? Удрал живой, так беги себе потихоньку, зачем потрясать своей мегалитической магией. Сирена завывала особенно истошно, а лучи прожекторов, наконец, сошлись в одном месте. В громадном пятне света, размером с футбольный стадион, (интересно, никто не пробовал освещать спортивные соревнования боевыми воздушными кораблями?), замер «Белый Кролик».

Все знают, кролики – существа безобидные и совершенно не опасные. В случае чего им достаточно напомнить, что кролики – это не только ценный мех... , это все равно, что злой хорошо откормленной собаке прочесть вслух корейскую поваренную книгу.

Но этот «Белый Кролик» ничего слушать про ценный мех и легко усваиваемое мясо не собирался. Вместо этого он выбрал самую удобную позицию для засады – внизу у самой кромки своего псевдолеса. Застигнутый врасплох, и понявший, что в честном бою шансов у него нет, а удрать от нас тоже вряд ли получится, он затаился и выбрал хороший момент для удара. Пока боевые прожектора «Неспешного» распугивали медведей, шаря по лесу вдалеке, он злодейски выполз прямо у нас под брюхом. И ударил, не ракетами и не пушками. Неуловимый, смертельно опасный пиратский рейдер «Белый кролик» подло из засады засадил мощнейшим зарядом чистой магической энергии – 500 мегамерлинов не меньше. Взрыва не было. Турель мгновенно залило призрачным зеленоватым светом, но я успел сорвать с груди и разломить индивидуальный защитный амулет. От неожиданности коньяк встал поперек горла.....

Глава 4

Над ухом противно жужжали моторы. От этого звука мне вдруг страшно захотелось есть. Я открыл глаза и увидел муху. Большую вкусную муху размером с гамбургер. Муха жужжала совсем рядом, я прицелился, резко выбросил язык и перекусил на скорую руку. Стоп, стоп, стоп, что значит – резко выбросил язык и перекусил? Я что муху съел? Никаких неприятных ощущений в желудке после этого странного поступка не испытывал, наоборот – насекомое оказалось очень вкусным и свежим. Я огляделся. Мух, к сожалению, больше нигде не было. И тут стало понятно, что я не в турели, и даже не на корабле, а в огромном самолете, самом большом из всех которые я видел. Это был просто циклопический летательный аппарат. У нас такие не делают. Я прищурился и увидел, здорового, мясистого комара. Моя персона тоже его заинтересовала, и как только кровосос оказался в зоне досягаемости языка, десертом я был обеспечен. Странная, однако, у меня диета. Недалеко, на откидном кресле с облупившейся краской сидел одетый в форму великан, огромный, как девятиэтажный дом. Я представил размеры самолета и содрогнулся. Если эти большие пацаны захотят немного повоевать, крышка всем, и нам, и американцам, и китайцам с их драконами, даже всем магам и волшебникам со всеми за-

клипаниями, пройдут, раздавят и не заметят. Но что здесь делаю я? Мух жру? Это от контузии, когда «Белый Кролик» в нас жажнул, я как раз в самом фокусе оказался. Пора было делать ноги, самолетище большой, найду, где затеряться. Я прыгнул вперед и – уткнулся носом в решетку из толстых прутьев, прыгнул назад – сзади решетка тоже была. Оказалась она справа и слева и даже сверху. «Замуровали демоны!», – подумал я и, опустив глаза, увидел железное дно – подкоп тоже исключался. Это была большая клетка для огромного реликтового хомяка с маленькой дверцей на потолке. Дверцей без замка, с простенькой защелкой. Тщательно прицелившись, я собрался силами и совершил отчаянный прыжок к свободе. Мозгов у меня больше чем у любого грызуна – защелку открыть смогу. Удар головой получился довольно болезненный, а зацепиться за прутья не удалось. Я потерял нос и остолбенел, вместо руки у меня была огромная лягушачья лапа! Вместо второй руки – тоже! Очень захотелось посмотреть на собственные ноги, но сделать это было страшно.

С самолетом стало происходить, что-то неладное. Гигант, сидевший на стуле, выронил, лежавший на коленях автомат, и рухнул носом вниз. Пол при этом не проломился, даже не прогнулся. Сам аэроплан явно потерял управление и стал падать. В панике, я заметался по клетке. Вот вам пример хронического невезенья: монстр на лягушачьих лапах падает на землю, находясь внутри самолета размером с авианосец «Ви-

талий Чуркин». Я попытался закричать, но только панически заквакал! Самое время было от ужаса потерять сознание, но оно упорно не хотело теряться. Я прыгал и прыгал, стараясь добраться до дверцы, пока удар о землю не заставил прекратить это бесполезное занятие...

Эти глаза напротив неудержимо манили меня к себе. Более прекрасных глаз я не видел никогда. Как чудесно они блестели, какой излучали покой и обещали избавить от всех тревог. Они звали, они как магнитом тянули подойти поближе. Ради них я готов был форсировать моря и океаны, перепрыгнуть горы и леса, будь они неладны. Я не хотел видеть ничего вокруг, мне ничего и не надо было, лишь только оказаться поближе. Я прыгнул, изо всех сил оттолкнувшись задними лапами, но с непривычки промахнулся и, не долетев до следующего листа кувшинки, с громким плеском плюхнулся в воду. Я иду, подожди! – хотелось крикнуть, выныривая на поверхность. Я высунул голову из воды и понял, чьи это глаза. Свесившись с ветки, на меня не мигая, смотрела громадная змея! Никакой доброты и тепла ее взгляд, конечно, не излучал. Он излучал только одно – неприкрытое желание пожрать. Змеюка явно изготовилась к последнему броску, от которого я не смог бы увернуться. На желтых изогнутых зубах, заискрились в ожидании жертвы две капельки яда. Чтоб ты сама им отравилась, подумал я, и, не мигая, уставился в глаза злобному пресмыкающемуся. Змея от удивления замерла. Не отрывая взгляда, я изо всех сил

сопротивлялся гипнозу, но с каждой секундой это становилось все труднее и труднее! Зверюга от такой наглости оцепенела, повиснув на ветке в очень неудобной позе, все ниже и ниже сползая к воде.

Что делать с ней дальше я не знал. Одно дело стойко сопротивляться гипнозу, другое дело – сожрать гипнотизера. Но тут из мутной болотной воды вынырнула крупная зубастая рыбина и разом решила мою проблему.

Я победно квакнул и в душе поблагодарил автора книжки об эриксоновском гипнозе, которую случайно прочитал пару лет назад.

Цапля, шагнувшая из камышей и схватившая меня за ногу, тоже была неграмотной. Висеть вниз головой было очень унижительно. Вспомнив еще одну книжку, я гордо проквалкал: «Мы с тобой одной крови!», но в здешних лесах видно «Маугли» не читали. Кровожадный клюв крепко сжимал мускулистую зеленую лапу и грозил сделать меня навсегда инвалидом. Пернатая сволочь подбросила меня вверх и приготовилась спокойно проглотить добычу. У меня на этот счет были совсем другие планы. Сделав сальто в воздухе, я запрыгнул на клюв и замер, балансируя разведенными в стороны лапами. Такого на этом болоте отродясь не видели. Цапля выпучила от удивления глаза. Я, используя нос как трамплин, разбежался и изо всех сил треснул ее в прыжке пятками в лоб. Потом двумя руками, пардон – лапами, со всего размаха ткнул в большие черные зрачки. Цапля забыла о го-

лоде и потеряла всякий интерес к еде, получив еще несколько чувствительных ударов в голову. Не обращая больше на меня никакого внимания, она в панике бросилась в камыши, мотая в разные стороны головой. Новый стиль рукопашного боя я решил назвать «Лягушка, которая очень хочет жить», потом высунул голову из воды и осторожно оглядевшись, победно квакнул еще раз.

Самолет рухнул в болото, предварительно прорубив винтами небольшую просеку в лесу. Над зеленой водой торчал обломок фюзеляжа, в стороне, за деревьями был виден отвалившийся хвост. Мрачное местечко казалось мне смутно знакомым. К воде низко свисали поросшие мхом деревья, на торчащее из тины крыло вылезло несколько лягушек, которые начали призывно квакать и строить мне глазки. Развалившаяся клетка для реликтового хомяка валялась неподалеку на кочке. От удара дно отвалилось от решетки и перевернулось. На нем был четко виден полустертый инвентарный номер. И тут до меня дошло – и самолет и клетка были нормального размера! Просто я стал хотя и довольно крупной, но лягушкой. Я посмотрел на крыло внимательнее и замер, самолет был наш – российский! Жаль, что лягушки в отличие от крокодилов не умеют плакать. Вдруг стало ясно, где я видел похожее место. Запрыгнув на дно клетки, я громко проквакал: «Где ты Йеда? Люк Скайуокер ждет тебя!». Пролетавшая мимо стайка птиц испуганно шарахнулась от моего крика. Здесь никогда не водилось так громко орущих

лягушек. Йеда не отвечал.

Глава 5

Я сбил на лету несколько комаров и, закусив на десерт парой вкусных мошек, задумался о своей трагической судьбе. Вне всякого сомнения, я был единственной лягушкой, тьфу человеком, кто выжил после подлой атаки пиратского рейдера. Пират, не только уничтожил «Неспешного», светлая память ему и его команде, но и из садистских побуждений превратил меня в земноводное. Подоспевшие спасатели нашли меня, сжимающего лапками гашетки пулемета, поразились моей храбрости и героизму и решили вывезти на базу, чтобы там, в спокойной обстановке снять заклятие, узнать подробности гибели корабля и конечно наградить, желательно – не посмертно.

Но в полете произошло нечто непредвиденное, и самолет рухнул в болото. Я не погиб только по чистой случайности. Клетку выбросило в разлом фюзеляжа, а вода смягчила удар. И еще я остался жив потому, что был лягушкой и упал в болото, а оно – моя родная стихия, то есть не моя конечно, а всех земноводных. Надеюсь, вы поняли. Теперь надо было думать, как отсюда выбраться и не быть съеденным каким-нибудь из ярких представителей местной фауны, или флоры. Я с опаской покосился на плотоядный цветок, только что сожравший красивую бабочку. Интересно, а какая она

была на вкус?

В этих краях заклятья наложенной амфибии (Чего ухмыляетесь? Именно так оно и называется!) снимают несколькими способами: первый – найти колдуна, или волшебника, магически более сильного, чем злодей, который загнал меня в лягушачью шкуру, и попросить, чтобы он меня расколдовал. Но как его найти, а, найдя, объяснить чего я хочу? Говорить я ведь не умею! Может написать?

Второй способ: лично убить супостата наложившего заклятье. Тогда оно спадет, с вероятностью сто процентов. Здесь тоже есть свои трудности. Как определить, кто именно это сделал? И где отыскать «Белого Кролика» и как попасть на его борт? И как найти загадочного мага? Представляете заголовок в «Вестнике Плацдарма»: «Кровожадная лягушка-маньяк полностью перебила экипаж пиратского корабля. Правозащитные организации возмущены!» Что и говорить, безрадостная перспектива.

Третий способ еще хуже – надо прошляться в лягушачьей шкуре тридцать лет и три года и тогда заклятье спадет само, от ветхости. Но откуда я знаю, сколько лет живут заколдованные лягушки?

И, наконец, четвертый способ – самый приятный. Надо, чтобы тебя поцеловала девушка, в губы. Здесь тоже не без сложностей. Вы часто видели девушек целующих всех подряд лягушек, в надежде, что одна из них заколдованный принц? Я, ни разу. Кстати, потом на ней надо будет обяза-

тельно жениться, иначе заклятье заработает опять. А если поцелует парень, что тогда делать? Ведь половую принадлежность лягушки определить сразу трудно. Я вот, например, не пойму, мальчик я или девочка, но, судя по тому, как вокруг увиваются местные лягушки, скорее всего мальчик и довольно симпатичный.

Выглянувшее солнышко хорошо пригревало спинку, и я зажмурился, тихонько урча от удовольствия, совсем забыв о главном правиле любой лягушки «Будь всегда начеку, если не хочешь быть на чьем-нибудь языке».

Сачок накрыл меня в тот самый момент, когда я собирался рассказать местному лягушачьему народу, что я самый настоящий заколдованный принц. Крепкая, пахнущая пороховом рука в перчатке, вытащила меня из сачка и бросила в большой мешок, туда же, через секунду, посыпались и мои соседки по болоту. Ура! Спасатели, наконец, меня нашли. Я призывно заквакал, стараясь обратить на себя внимание, но вызвал только недовольство. Мешок грубо трянули, посоветовав всем заткнуться. Причем сказали это на английском. Я что английский знаю? Больше ни увидеть, ни услышать ничего не удалось, в мешке поднялся дикий гвалт. Одни лягушки громко прощались с родственниками, остающимися на болоте, другие наперебой радовались, что их, наконец, нашел странствующий принц, или в худшем случае охотники за принцессами, и теперь их обязательно расколдуют и выдадут замуж за особу королевской крови. Я про-

сто обалдел, две трети лягушек в мешке считали себя заколдованными принцессами, ожидающими избавления. И лишь мужики молча сидели на дне мешка, следя, чтобы будущие королевы не отдавили им лапы.

Мешок кто-то забросил за плечо, вызвав еще одну бурю возмущения, и волну криков радости, и пошел ровным размеренным шагом никуда не спешащего человека. А в мешке снова начались разговоры о стремительно приближающемся досрочном освобождении. «Царевну-лягушку» надеюсь, все читали? Так вот, в этой сказке, действительно есть очень большая доля правды, если конечно верить моим подругам по несчастью. Местным колдунам, магам, злым волшебникам ни что не доставляет такого удовольствия, как взять супер-пупер прекрасную дочку царя, князя, короля или вождя племени и прибодавшись к незначительному поводу, превратить ее в лягушку. Ну, ответила девушка на приставания престарелого колдуна отказом, послала куда подальше, случайно треснула оглоблей по лбу, завалила нечаянно из тяжелого сувенирного арбалета его любимого ездового тиранозавра, так что из-за этого сразу в лягушку превращать? Что и говорить, жесток этот мир, очень жесток!

Но, как известно, худа без добра не бывает. Чем бы еще занимались молодые царевичи, королевичи, принцы и другие особы голубой крови? Ходили бы в Крестовые походы, промышляли контрабандой кокаина из Южной Америки, воевали бы друг с другом, курили, пили и грабили купцов на доро-

гах. А тут все при деле, странствуют по миру, целуют лягушек и Спящих красавиц, а время на занятия прочими глупостями просто не имеют. Если же какой, очень занятый на государственной службе монарх, совершенно не имеет времени шляться по болотам и целовать кого попало, то к его услугам есть множество хорошо натренированных охотников за заколдованными лягушками. Эти ребята из болот просто не вылезают, знают все самые рыбные места, и за сто метров отличают настоящую заколдованную принцессу от настоящей лягушки, мечтающей просто поцеловаться с принцем. Они отлавливают несколько кандидаток и за очень неплохие деньги привозят под венценосные очи, а монарх уже сам выбирает, кого целовать. Оставшихся принцесс никто, конечно, не отдает в королевский зоопарк, а выгодно выдают замуж на королевском аукционе, для компенсации расходов на покупку королевской супруги.

А жены – бывшие лягушки пользуются большим спросом. Они всегда очень красивы и отличаются умом и покладистым характером, поэтому от желающих жениться, отбоя нет. Непонятно только одно, почему черные маги так любят превращать несчастных девушек именно в лягушек. Может им, просто нравится французская кухня?

Я с ужасом подумал, сколько передавил лягушек, рухнувший в болото самолет и осторожно поинтересовался числом погибших во время аварии. Пожилая зеленая жаба, попавшая в мешок случайно, за компанию, успокоительно проква-

кала:

– Зря сынок волнуешься, когда эта махина падала, ревела так, что только глухие не слышали, а разбежались с болота все – даже самые ленивые. Так что не переживай, никто не пострадал, лишь пару птеродактилей с гнездовой спугнули, как говорится – на болоте жертв и разрушений нет. Потом подумала и добавила: – Да, ты не тревожься сильно, тут настоящих принцесс немного, десятка полтора – не больше, а остальные самозванки.

– Это как? – удивился я.

– Очень просто, – ответила жаба. – Живет себе на свете пожилая тетка, дети выросли, муж или убит, либо вечно где-то шляется, а может, нашел кого помоложе. Красота ее увяла, целлюлит подкрался незаметно и молодые парни уже на нее не заглядываются, а любви – большой и чистой, еще ой как сильно хочется. Идет тогда она к колдуну и просит, преврати меня, милоч, в лягушку, да выпусти неподалеку, чтоб принцу было легче найти.

– А не проще колдуну держать ее в пруду, дома, так спокойнее и вроде безопаснее? – спросил я.

– Магию не обманешь. – вздохнула жаба, – все должно быть по-честному. Жить надо на диком болоте, и жених там найти ее должен, а иначе все бесполезно. Красавицей никогда не станешь, а останешься на всю жизнь жабой. – И она тяжело вздохнула. – Вот и плещутся они, бедолаги, все принца ждут. Еще охотники за принцессами их найти могут, они

слово особенное знают.

Детская сказка о царевне-лягушке, предстала передо мной совсем в другом свете. Размышляя над этой проблемой, я задремал под гомон квакающих принцесс. Мне снились жабы в кокошниках, водящие хоровод вокруг наряженной как новогодняя елка цапли, с шей которой свисала изумленная змея, державшая в зубах стрелу Ивана-царевича, а он, идиот, не замечая этого все палил и палил в небо из лука. Пока не попал в самолет внутри которого бегал я – маленький и зеленый с медалью «За прогресс» на груди. Каленые стрелы проткнули оба мотора, и самолет, громко квакая, стал падать вниз.

Глава 6

Путешествие в счастливый край нецелованных принцев закончилось. Нашу шумную компанию бесцеремонно вытряхнули из мешка в большую плетеную корзину. Увы, принцев, рядом не оказалось, ни одного. Поняв это, несчастные лягушки издали такой душераздирающий вопль, что стоящая рядом с корзиной девица, уронила мешок, упала на пол рядом с ним, выхватила пистолет, одновременно снимая его с предохранителя, перекувыркнулась и очень умело замаскировалась под стулом. От удивления, я чуть не подавился собственным языком. Забрешившая было надежда, исчезла без следа. Здешние принцессы так прыгать не умеют. Так умеют делать бойцы русского спецназа, американские «Зеленые береты», немецкие альпийские стрелки, солдаты французского Иностранного легиона и еще несколько подразделений, о существовании которых мало кто знает. Судя по форме, лежащая под стулом с пистолетом в руке, девица была именно «Зеленым беретом».

Я огляделся. Это точно не замок. Средневековьем здесь и не пахло. Зато очень отчетливо пахло солдатской кухней. Мою смелую гипотезу молчаливо подтверждали многочисленные сковородки, кастрюли и другие кухонные принадлежности разложенные и развешенные вокруг. А для чего

молодых здоровых лягушек приносят на кухню? Не думаю, чтобы целовать. Эта же мысль посетила моих зеленых подруг по несчастью, и они в очередной раз издали очередной вопль такой силы, что зашедший на кухню мужик тоже мгновенно лег на кафельный пол рядом с девицей. С реакцией у него было все в порядке.

Находящийся в положении для стрельбы лежа спецназовец, чувствовал себя без оружия неуютно. Он с завистью смотрел на пистолет в руках дамы. Полежав еще пяток минут они, наконец, рискнули встать с пола и обыскали помещение. Кухня загадочно безмолвствовала.

– Черт знает, что у тебя здесь творится, Кейси, – сказал мужик, отряхивая брюки.

– Следите лучше за своей лабораторией, док, – хмуро огрызнулась девица, – Как говорил мой дедушка: никто не может победить меня на кухне! – Она сделала неуловимое движение рукой, и большой разделочный нож воткнулся в стену прямо над ухом дока.

– Что вы себе позволяете, сержант! – рявкнул док, осторожно трогая кончик уха, – Смирно, когда с вами разговаривает старший по званию!

– Да, сэр! – ответила Кейси, нехотя вытягивая руки по швам. – Я просто вернула на место кухонный инвентарь, сэр! Как говорил мой дед: на кухне должен быть порядок!

– Разве твой героический дед не научил тебя субординации? – продолжал свирепствовать док. Он, очевидно, забыл

о большом боевом потенциале, заложенном в этой ничем не примечательной с виду девице. С моей точки зрения делал он это зря.

– Не научил, – рука Кейси случайно оказалась около большой сковородки, – В это время он был очень занят, служил на линкоре «Миссури»,

– Эх, жаль, что ты женщина, Райбек, – криво усмехнулся док, – будь ты мужиком, я разобрался с тобой совсем по-другому!

Лягушки в корзине, затаив дыхание, наблюдали за стремительно развивающимся конфликтом, и даже перестали обсуждать, является док замаскированным принцем, или нет.

– Ах, здесь имеет место, дискриминация по половому признаку! – радостно сказала Кейси, хищно улыбнувшись и невзначай взмахнув сковородой, – Тут попахивает военно-полевым судом, и разбирательством в конгрессе. – Сковородка выписала сложный пируэт у самого носа дока. – Сэр, вы считаете, что женщина настолько низшее существо, что не имеет право набить морду такому подонку как...?

На лице дока застыло выражение ужаса, сковородка со свистом рассекла воздух и... в последний момент была перехвачена рукой еще одного зашедшего на кухню военного.

– Что здесь происходит сержант? – спросил он, отдавая всех запахом хорошего коньяка и дорогого одеколona, одновременно отбирая сковородку у Кейси.

– Мы, капитан, с доктором Крюгером, отрабатываем при-

емы обороны в замкнутом помещении подручными предметами, – не растерялась девица.

– Это хорошо, – одобрительно похлопал ее по плечу капитан, – А какая была вводная?

– Неприятель ворвался на базу и захватил её всю, всю кроме кухни! Патроны кончились, командиры убиты, кругом враги! Кухня – наш последний рубеж обороны! – отбарабанила Кейси.

– Кругом враги! – воскликнул капитан, – Вьетконговцы, иракцы, террористы, коммунисты! Пока они есть – Америка еще нуждается в своих верных солдатах! – На его глазах навернулись слезы. Он попытался спеть американский гимн, но, кажется, забыл слова.

– Сэр, – доктор аккуратно прервал его пение, – разрешите доложить. Группа Б только что вернулась из замка Пепина Короткого.

– Но он же просил не называть его этим именем, – сказал капитан, – я понимаю, вокруг все свои, но не дай бог... Со здешними магическими штучками все возможно.

– Есть, сэр. – как ни в чем ни бывало, продолжил доклад док, – Группа Б вернулась из замка Пепина Длинного. – Кейси хихикнула, но замолкла, перехватив свирепый взгляд дока. – Я лично осмотрел пациента, – Кейси хихикнула еще раз, – Динамика роста на лицо. Проведена работа с агентурой внутри замка, фрейлинам дана команда распространять слухи о гигантских размерах объекта. Королеве предложено

каждое утро выходить из спальни со счастливым и немного утомленным лицом. За это ей обещано два новых патефона и набор пластинок Амстронга и Синатры. Сама она сказала, что одним Амстронгом сыт не будешь, и попросила привезти ей, – он наклонился к капитану и что-то прошептал ему на ухо.

Капитан фыркнул и сказал: – Ладно, пошлем заказ на базу с первым транспортом. – потом спросил, – А что доносит внешняя агентура?

– Внешняя агентура доносит о значительном оживлении интереса женской половины населения замка герцога Педро Голубого, ближайшего соседа нашего подопечного. – Ответил Крюгер, – Аналитический отдел считает, что это всего лишь начало, процесс еще набирает обороты.

– Очень хорошо, – удовлетворенно сказал капитан, – что еще у вас случилось?

– На обратном пути группа, увидела падающий в лес русский самолет. Мы свернули с дороги к месту авиакатастрофы, для проведения спасательной операции.

– Кто сбил самолет? – выпучил глаза капитан, – А если русские подумают, что это сделали мы? Это же...

– Мы его не сбивали. – сказал доктор, – Самолет упал без видимых причин. Место падение группой осмотрено, трупы не обнаружены. Следы пребывания группы на месте катастрофы уничтожены. Русские, даже если и обнаружат самолет, ничего не заподозрят, сэр!

– Никогда не говори никогда, – сказал капитан, – Знаю я этих русских, они очень хитрые. Все их предки, когда-то были коммунистами. Я пересекался с ними несколько раз. Они сначала пьют, то есть бьют, а потом уже разбираются, кто виноват и что теперь делать с трупами. Это их любимые национальные вопросы

От распирающей меня гордости я выглянул из корзины и громко квакнул, чем привлек внимание капитана. Он подошел и заглянул в наше плетеное убежище. Я смело, практически в упор, посмотрел в его серые глаза и метко сбил севшего на кончик капитанского носа комара.

– Спасибо, – сказал он, улыбаясь, но не мне, а доктору, – Я так люблю французскую кухню. Глубоко тронут. Это прекрасный подарок к моему дню рождения. Какие чудесные мясистые молодые лягушки. (Снизу я услышал облегченный вздох пожилой жабы) Кейси, будь любезна, приготовь их к вечеру...

Кейси, на мой взгляд, не очень горела желанием превратить нашу корзинку в братскую могилу.

– Капитан, приготовление лягушачьих лапок, единственный рецепт, которому не успел меня обучить дедушка, перед отбытием на последнее секретное задание.

– Чепуха, – гадко улыбнувшись, сказал доктор Крюгер, – я, хоть и не король на кухне, но как раз помню парочку рецептов. Записывайте, сержант. Надо взять одну чашку муки, штук шесть яиц, шесть столовых ложек оливкового масла.

(Капитан стал причмокивать губами от удовольствия) Мелко порубить пучок свежей петрушки, протереть через терку небольшой кусок твердого сыра. (У меня ком подкатил к горлу, и я поклялся себе, никогда не есть больше тертый сыр) Кусочек сливочного масла и ... двадцать четыре небольшие лягушачьи лапки. (Сзади раздался приглушенный стон, и половина заколдованных принцесс упала в обморок.) – Крюгер продолжал с садистскими интонациями. – Лягушачьи лапки надо вымыть и высушить полотенцем. (Снова раздался стон, и вторая половина лишилась чувств) Затем их надо обжарить в небольшом количестве оливкового масла до золотистого цвета. Обжаренные лапки надо вынуть из сковородки. – Он с подозрением посмотрел на знакомую сковородку. – Удалить лишний жир бумажными салфетками и вынуть из охлажденных лапок кости.

После этой фразы свет вокруг начал меркнуть, но капитан выхватил меня из корзины и грубо ткнул пальцем в живот.

– Что-то лягушки, какие-то снулые, – сказал он, – не отравиться бы.

– Это у них контузия, от падения самолета, ударной волной все болото оглушило – соврал Крюгер.

– Контузия, это не страшно, это пройдет, меня самого контузило десятки раз. – сказал капитан, – Благодарю за рецепт, доктор, буду рад видеть Вас на банкете. Можете быть свободны.

Доктор лихо щелкнул каблуками и вышел.

– У меня есть к Вам, сержант, один вопрос, – капитан повернулся к Кейси, – очень деликатного характера. (Я увидел, как она начала шарить взглядом по кухне в поисках подходящего тяжелого предмета и слабо задергался в руке у капитана) Капитан собрался духом и зачем-то, зажмурив один глаз, выпалил, – Скажите, сержант – Вы – женщина?

– Капитан, от Вас я такого не ожидала, – Кейси густо покраснела и начала рассеянно вертеть в руках огромный мясницкий нож, – Разве для боеспособности армии имеет значение – женщина я, или девушка?

Капитан осторожно сделал пару шагов назад, подальше от нервно сверкающего свинореза.

– Вы не правильно меня поняли, – сказал он. – Я просто хотел знать, не переодетый ли Вы мужчина!

Кейси дико захохотала. Капитан слегка сжал меня в руке, но ничем больше не выдал своего нервного напряжения. Настоящий мужчина, если не считать его нездоровую любовь к французской кухне. Посмеявшись минут пять, Кейси, не глядя, метнула нож за спину и, близко подойдя к капитану, расстегнула верхнюю пуговицу куртки.

– Сэр, если Вы не доверяете документам и моей медицинской карте, – сказала она, – можете проверить сами. Но учтите – я оставляю за собой право сообщить вышестоящему руководству о вашем недостойном поведении. Вы хотите воспользоваться своим служебным положением, чтобы меня, – она задумалась, – поlapать?

– Что Вы, сержант, как могли подумать! – покраснел капитан, – Но при всем моем уважении к вашему героическому деду, эти ваши постоянные вводные о нападении на кухню переходят все границы. Лазарет переполнен, семь пострадавших за неделю – и это в мирное время! Лучшие специалисты выведены из строя. Такое под силу не каждому мужчине. У меня к Вам личная просьба – будьте впредь посдержаннее, иначе через пару недель я останусь без личного состава. – Капитан сунул меня в руку Кейси и вышел из кухни.

Глава 7

Конечно, я люблю, когда обнимают девушки. Но когда тебя крепко сжимает в мускулистой руке девушка – боец спецподразделения армии США, то тут начинаешь испытывать смешанные чувства. Особенно, когда знаешь, что она собирается приготовить жаркое из лягушачьих лапок на оливковом масле. Сержант взяла со стола маленький блестящий ножик и принялась задумчиво меня разглядывать, кажется, соображая, как легче вытащить из жареных лап кости. Мне стало очень неловко, во-первых, из-за того, что не одет, а во-вторых, очень не хотелось, чтобы меня жарили. Надо было срочно брать ситуацию в свои руки, но пока она сама держала меня в руках.

Выбрав момент, я издал душераздирающий предсмертный «квак», и бессильно обвис в ее пальцах. Кейси вздохнула и аккуратно положила меня на стол. Я не стал искушать судьбу, вскочил и огромными скачками запрыгал к заветному месту, замеченному мною пару минут назад. Американская повариха перестала скорбеть о моей преждевременной смерти, и мой нелегкий путь по кухонному столу был отмечен торчащими из столешницы ножами, вилками, ножами для электрической мясорубки и неизвестными мне острыми столовыми приборами, стоящими на вооружении стран

Атлантического блока. Но дольше испытывать судьбу было очень рискованно, тесаки для разделки мяса и ножи для открывания устриц вонзались все ближе и ближе. Наконец, я увидел свою долгожданную цель и, квакнув «Банзай!» бесстрашно пошел на таран.

Бум! Я врезался в миску с мукой, как камикадзе в авианосец. Белое облако надежно спрятало меня от погони – секунды на три. Миска дребезги разлетелась от молодецкого удара сковороды, но цель была достигнута. Мука тонким слоем покрыла всю кухню. Кейси с неприкрытой злостью смотрела на разгром. В этот момент королем на кухне все же был я. Ее любимая сковорода с утроенной силой начала крушить все вокруг. Скажите, вы можете в таких условиях бесстрашно выскочить из укрытия и написать под градом смертельных ударов: «Поцелуй меня!», без ошибок? Я тоже не смог, даже рисковать не стал. К тому же меня мучил один вопрос «А знает ли она русский?». Забившись под кухонный комбайн, я искал выход из этой безвыходной ситуации.

Устав махать сковородой, и не понимая, куда делась наглая земноводная тварь, сержант Райбек решила заглянуть в корзину и пересчитать пленных, чтобы определить хватит ли ей лягушачьих лапок. Ничего, не подозревая, она сняла крышку, и заглянула внутрь плетеного застенка. Дикий вопль хора заколдованных лягушек имени Безымянного болота, снова потряс ее барабанные перепонки. Лягушки, сами понимаете, были не простые, с особыми голосовыми данны-

ми. Корзинка выпала из рук и перевернулась на бок, а Кейси, зажав руками, уши сделала шаг назад, споткнулась о только, что ею же разломанный табурет и плюхнулось на запыленный мукой пол. Наконец, на кухне наступила тишина, нарушаемая еле слышным шлепаньем лап прыгающих принцесс.

Посидев пару секунд на холодном полу, девица стала подавать признаки жизни. Она, сняла с головы берет, и вытерла им перемазанное мукой лицо. Потом встала, опершись рукой на искаленную ею же мебель, и недоуменно посмотрела на израненную столешницу. По белому полю, засыпанному разлетевшейся мукой крупными буквами было выведено «Kiss me...» Сам я застыл наверху поверженного «колосса», гордо выпятив грудь. Несчастливая Кейси потеряла дар речи. Потом, старательно вытряхнув муку из ушей, она резко выбросила руку вперед и я, не успев опомниться, снова оказался сжат крепкими мозолистыми пальцами простой американской девушки. По-моему, меня сегодня слишком много тискают.

– Сейчас найду, кто это написал, – зловеще улыбаясь, сказала она, – а потом приготовлю капитану жаркое из лягушачьих лапок. И мне кажется, что сегодня в лазарете появится еще один пациент.

Каждый знает, что риск благородное дело, но что делать, когда понимаешь, что оно не только благородное, но и бессмысленное? Зря, я, пошел на этот отчаянный шаг, в нормальном состоянии и мне в голову не пришло бы лезть целоваться к Кейси. Девица далеко не красавица и не в моем вку-

се. Таких «Плейбой» девушкой месяца не выбирает. И служить, наверное, пошла в надежде подцепить, кого ни будь в этих диких краях. Может, стоило просто сбежать отсюда, а не осваивать навыки английского письма лягушачьей лапой. Как я мог подумать, что сержант армии США захочет добровольно поцеловать беспородную лягушку?

Дверь открылась, и на пороге снова появился улыбающийся доктор Крюгер. Его то мне только и не хватало. На утонченно-аристократическом лице дока застыло недоумение. Непонятно, как он с такой благородной физиономией попал в спецвойска.

– Не думал, что приготовление блюд французской кухни сопровождается такими большими разрушениями, – заметил он.

Кухня представляла собой потрясающее зрелище. Апофеоз войны в замкнутом кухонном пространстве последнего рубежа обороны. Третья мировая война в миниатюре, и жуткие последствия диверсии на мукомольном заводе одновременно.

– Сержант, я готов забыть старые обиды и помочь навести порядок в этом бедламе. За небольшую плату – естественно, – галантно сказал он.

– Это за какую еще плату? – нахмурилась Кейси, еще крепче сжав меня в руке. Я начал задыхаться и слабо задергал лапками.

– За Ваше прощение и один поцелуй, – Крюгер слегка

пригладил рукой волосы. – Кстати, вы собираетесь съесть это земноводное в сыром виде? Не советую, лучше все таки зажарить, у сырых – очень специфический привкус..

– Поцелуй? – опешила Кейси и начала искать взглядом сковородку, но она во всеобщей разрухе, где-то затерялась. – Да я лучше жабу поцелую, – и пристально посмотрела мне в глаза.

– Ставлю ящик виски, что не рискнете, – сказал док ухмыльнувшись. – Я. джентльмен, и в случае Вашего проигрыша, сержант, согласен заменить ящик дефицитного в наших краях виски, на этот экземпляр земноводного, – и он ткнул пальцем в меня.

– Сэр, неужели Вам мало болотных лягушек? – ответила повариха. – Да и зачем вам жабы?

– Лягушек в болоте, конечно, полно, – ответил док, – но мне нужна именно эта. Я продам ее Пепину, для участия в лягушачьих боях без правил. Поверьте у нее огромный потенциал. (Ну почему, почему я просто не разбился в самолете вместе со всеми?)

Дверь снова открылась, и в кухню вошел уже знакомый мне капитан. Очевидно кухня в этом подразделении одно из самых посещаемых командиром и медиком мест.

– Да, почти так же было в Пхеньяне во время штурма...., ну это не важно чего. Что, сержант, вы отработывали на этот раз? Прямое попадание кустарной атомной бомбы, нападение пораженного эпидемией свинки стада бешенных трице-

ратопсов? – спросил он, оценив масштабы разрушений.

– Никак нет, сэр! – рявкнула Кейси, вытянувшись в струнку, – Просто ловила лягушку!

– Поймали?

– Так точно, сэр! От меня на кухне меня еще никто не уходил! – гаркнула она еще громче.

– А еще мы поспорили с сержантом на ящик виски, что она поцелует своего злобного и очень опасного пленного, – сообщил доктор. Потом добавил, – Сэр, а как вы смотрите на то, чтобы пригласить сегодня по поводу вашего дня рождения к нам на базу местную талантливую молодежь – трубадуров, менестрелей, девочек, то есть, шоу-балет из трактира «Мыльная рожа»? А кульминацией вечера станет Кейси, целующая лягушку. (Слава Богу, – подумал я, – до вечера не зажарят).

– Вот только, лягушечку надо заменить, – продолжал Кругер, – эта не очень фотогеничная.

Лицо капитана побагровело, ежик седеющих волос ощетинился, как у пещерного дикобраза перед атакой.

– Лейтенант! Устав запрещает целоваться с пленными! – сказал он голосом, в котором ясно слышался лязг танковых гусениц. А может, в это время действительно за окном проехал танк? – Ваши дятлы дырку вам в голове не продолбили? Куда Вы захотели позвать девок с трубадурами? На секретную базу? Закажите еще праздничный фейерверк и пригласите странствующих китайских пиротехников, чтобы мы

сами случайно не подорвались! А потом дружно встанем в шеренгу по одному и начнем целовать жаб взасос?

У Кейси сильно вспотели и слегка задрожали руки, что и говорить, суров командир, суров, а ведь вначале таким придуриком показался.

– Простите, сэр, за неудачную шутку, – голос лейтенанта Крюгера еле заметно дрогнул, – хотел устроить сюрприз, торт с девушкой полуголой, все такое...

– Такие шутки в военное время, часто заканчиваются расстрелом перед строем. Я сам так делал не раз в..., неважно где. Займитесь лучше своим делом, а не шатайтесь по базе! Или кухня тоже входит в круг ваших научных интересов? И почему сержант Райбек должна при Вас поцеловать жабу? Вы что извращенец? Жабофильный вуайерист или вуайеристический жабофил?

Кейси явно не знала, куда меня деть, я просто запарился в ее горячей руке, А еще очень хотелось есть, а мух поблизости не было.

– Что Вы, сэр, это я просто пошутил. Ей совсем не обязательно ее целовать, тем более у жабы и вид больной, – продолжал оправдываться Крюгер. – Подумайте сами, как может наша Кейси поцеловать лягушку? Внушка такого героического деда не может целовать кого попало...

Тут он был прав. После сегодняшних передраг выглядел я, действительно, паршиво.

– Лейтенант, мы поспорили с вами на ящик виски? Насто-

ящего, а не суррогата? – спросила Кейси у дока.

– Кейси, не волнуйся ты так, – ответил док, – Это была простая дружеская шутка.

– Вы пошутили, а я нет! – и сержант Райбек со знанием дела поцеловала меня в губы.

Это как же надо любить виски, – подумал я, – она, наверное, еще и алкоголичка!? Ничего не произошло, абсолютно. Вот и верь после этого статьям в журнале «Магия и жизнь».

– Гони виски, Крюгер, – сказала Кейси и грохнулась со мной на пол, прямо под ноги изумленному капитану.

– Ну вот, – сказал капитан, – лейтенант, Вы, кажется, говорили, что русские ничего о нас не узнают? Им и узнавать ничего не надо, они давно здесь!

Глава 8

– У меня есть тост подкупающий своей новизной! – хотя язык слушался с трудом, я говорил уже, наверное, восьмой, а, может, и двадцать восьмой тост за сегодняшний вечер. Какое это, братцы, счастье говорить, а не квакать.

Вечеринка по поводу дня рождения моего нового лучшего друга капитана Ленгдона была в самом разгаре. Кейси не отходила от меня ни на шаг, и сколько я ни пытался разубедить ее в том, что я не заколдованный русский князь – не верила ни единому моему слову. Мой авторитет среди личного состава секретной базы достиг небывалой величины.

Во-первых, я научил америкосов пить по-русски, то есть, не закусывая после первой, второй и третьей, а также с минимальными перерывами между ними. Немного портило картину полное отсутствие водки и соленых огурцов, но виски и микроскопические французские корнишоны, с трудом, но смогли заполнить этот зияющий пробел.

Во-вторых, все, не только Кейси, считали меня русским царевичем, или, по крайней мере, князем, счастливо освобожденным от зловещих чар. Хотя они и демократы, но к царственным особам питали должное уважение.

В-третьих, все по достоинству оценили то, как я совладал с непобедимой Кейси Райбек, а когда узнали, что я обязан

на ней жениться, и, естественно, увезти ее с собой подальше, плакали от счастья и подарили на память магический жетон самоликвидации индивидуального действия.

И, наконец, в-четвертых, меня очень уважали за то, что я трансформировался из лягушки в человека, в полной форме и с бутылкой коньяка за пазухой, чем сразу заслужил уважение капитана. «Это – настоящий солдат!», – сказал он тогда, помогая мне подняться с пола.

Шума конечно, было много. От трансформационного хлопка на кухне вылетели стекла, воздушная волна обсыпала всех мукой, а лейтенанта свалила с ног. Поднявшись и отряхнувшись, он сразу предложил меня застрелить по-тихому, что бы никто ничего не узнал, а лучше отдать ему для секретных опытов, исключительно из соображений гуманизма. На что, капитан заметил, что Россия с Америкой не находится в состоянии войны, и начинать ее в ближайшее время не собираются, поэтому он считает предложение Крюгера не конструктивным, и даже в какой то степени вредным. Он абсолютно не поверил моему рассказу о погибшем корабле, в котором я из соображений секретности опустил ряд существенных подробностей. Главным аргументом против – было утверждение, что в лягушку просто так никого не превращают, а из всех способов уничтожения военных судов, поголовное превращение всего экипажа в земноводных – самый экзотический. Тут мне крыть было нечем. Скажите для чего меня, простого российского прапорщика, – превращать в

жабу, пардон, в лягушку?

Затем меня очень внимательно осмотрел доктор Ливси, коллега Крюгера, занимающийся именно лечением пациентов, и не страдающим маниакальным синдромом их убийства. Жизнерадостный Ливси не нашел у меня никаких патологий, и для профилактики болотной простуды, выпил со мной на брудершафт полстакана спирта. То ли спирт был сильно разбавлен, то ли после стольких перенесенных стрессов, мне все было по барабану – я выпил его, даже не поморщившись.

– Чудесно, – сказал Ливси жизнерадостно улыбаясь, – пациент здоров, и не имеет синдрома направленного вампиризма. Можете быть абсолютно спокойными.

Услышав это, капитан, недолго думая, пригласил меня на свой день рождения, для укрепления союза двух дружественных армий. На радостях я подарил ему свою героическую бутылку коньяка, чем потряс Ленгдона до глубины души. Второе потрясение он испытал, когда попытался понять смысл надписи: «Коньяк Южнорусский. Пять звездочек. Разлит по заказу ОАО «Коломенский пряник» на Верхне-Кундрюпинской чаеразвесочной фабрике имени Тадеуша Костюшко». Что удивительно, я совершенно спокойно понимал английскую речь в ее американском варианте. Неужели, чтобы выучить язык, надо было побывать в лягушачьей шкуре? Все шло отлично. Мы хором спели «В небесах мы летали одних, мы теряли друзей боевых...», выжав

у капитана скупую мужскую слезу – его прадедушка воевал в эскадрилье «Нормандия – Неман». Потом мы все вместе орали песни «Биттлз», и, что бы доставить мне удовольствие, пытались хором спеть «Калинку-малинку», но каждый раз получилась «Марсельеза», дико растрогавшая капитана. Под нестройное пение хора мальчиков-зеленоберетчиков Кейси, склонившись к самому моему уху и нежно обняв за плечи, рассказала потрясающую историю жизни капитана Ленгдона.

Родился он в городе Париже, где и жил вместе со своей сестрицей и дедом, на пенсии подрабатывавшим хранителем Лувра. Дедушка часто таскал его по музею и нещадно порол, когда он путал импрессионистов с авангардистами, и маринистов с абстракционистами. Дед был членом сразу нескольких тайных обществ и все свободное, от работы и порки внука время, проводил на секретных тусовках. Его постоянно посвящали то в Почетные каменщики-асфальтировщики, то в Верховные магистры общества канарейководов-проктологов, то назначали Пожизненным хранителем тайн глубоко законспирированной организации некрофилов-криптозоологов. У страдающего хроническим склерозом дедули на почве постоянного нервного перенапряжения началась мания преследования. У себя в доме он организовал множество тайников и схронов, в которых постоянно прятал и перепрятывал древние манускрипты, прижизненные порнографические портреты великой Кама-Сутры и пластиковую взрыв-

чатку вместе со взрывателями и древнешумерскими каменными таблицами по полтонны каждая. А юный Ленгдон проводил время, любуясь на Венеру Милосскую. Дед его вкусов не разделял, ему больше нравился Аполлон Бельведерский. Но однажды, когда хранитель Лувра, раздевшись догола, как того требовал ритуал общества юных натуралистов-экспозиционистов, писал симпатическими чернилами воззвание для международной ассоциации «Бульдозеристы без границ против империалистической экспансии», его злодейски убили боевики террористической бригады «Конусообразные пирамиды». Поднялась большая шумиха, которую французской полиции еле удалось замять, свалив всю вину на случайно попавшегося под руку умственно отсталого монаха-альбиноса. Сестра быстро выскочила замуж за американского профессора-искусствоведа, который оказался кадровым сотрудником ЦРУ, выслеживавшем в Париже неуловимого главаря «Конусообразных пирамид» Могит хана Шармуду по кличке «Гиена». Молодая семья переехала жить в Америку, навсегда, увезя Жака Ленгдона от милой его сердцу французской кухни с жареными лягушачьими лапками и Венеры Милосской. С тех пор он люто возненавидел все тайные общества и поклялся извести их на корню. От одного упоминания его имени покрывались холодным потом и кричали во сне и «Объединенные дизайнеры-таксидермисты», и «Вольные озеленители Сахары», и «Воинствующие анонимные антиалкоголики», и даже бесстрашные и негибаемые «Ком-

мунисты-ленинцы седьмого дня». Но сейчас, подразделение капитана обеспечивало секретную миссию по налаживанию контактов с доблестным Пепином Коротким, одновременно охраняя лабораторию доктора Крюгера.

Сержант Райбек оказалась очень информированной и умной девушкой. Немного раздражала мысль, что теперь придется на ней жениться. Но, с каждой выпитой рюмкой, эта проблема все дальше уходила на второй план. Главное – до своих добраться, а там уже разберемся.

Американцы к потреблению алкоголя в таких количествах оказались не подготовлены. Дисциплина падала на глазах. Все громче стали слышаться призывы послать гонца в «Мыльную рожу» за ба..., за женским балетом. Капитан был неумолим. «Никаких балерин в комнате для совещаний не будет!», – сказал он, еще больше накаля обстановку. Кто-то, отдернув штору, закрывающую секретную карту местности, стал метать дротики, стараясь попасть в кружок, под которым подписано – «Замок герцога Пепина Короткого». Лейтенант Крюгер, милейший человек, почти не пил и нервно пытался закурить в помещении. Каждый раз, когда он хотел это сделать, в него швыряли стаканом или пустой бутылкой – пропаганда здорового образа жизни была на высоком уровне.

Из-за стола, покачиваясь, встал доктор Ливси. В одной руке он держал нанизанный на вилку стейк из мяса молодого игуанодона, а в другой стакан со спиртом, виски он, как врач,

категорически не признавал.

– Господа!– сказал он, качнувшись,– Я хочу выпить за единственную присутствующуюю, прессутствующуюю-шуюю...за единственную даму в нашем лагере, невесту нашего нового друга и побратима по оружию. За очаровательную Кейси Райбек!

Я внимательно посмотрел на невесту, сейчас она была очень даже ничего! Все закричали «Ура!», а Крюгер мрачно скривился.

– Мы так рады, дорогой друг, – продолжал Ливси, обращаясь ко мне, – что тебе удалось найти свое счастье, среди многих невзгод и лишений. Только человек выпивший, то есть, привыкший месяцами обходиться без женской ласки поймет всю тяжесть, выпавшую на долю...

– Подождите, – я не дал договорить доктору, – зачем так тяжело страдать. У вас на базе полно женщин, и не просто женщин – принцесс!

От крика «Где?» задребезжали стекла, со стены грохнулась картина неизвестного художника-баталиста «Американские морские пехотинцы штурмуют Рейхстаг». Все подскочили с мест и бросились ко мне, боясь пропустить хоть слово.

– Предупреждаю, вам придется их сначала поцеловать, а потом жениться! – Пара человек со вздохом сели, а немолодой старший сержант Элтон, робко спросил: «А принцев там нет?» Но его тихий вопрос потонул во всеобщем радостном

гвалте.

Под ободряющий вой американцев, мы с Кейси притащили с кухни заветную корзинку со всем ее содержимым.

Едва вернувшись в человеческий облик, я первым делом собрал моих квакающих сестер по несчастью вместе и еле уговорил капитана отказаться на сегодня от жаркого из лягушачьих лапок. Объяснив, что после пережитых вместе приключений есть моих несчастных зеленых подруг было бы просто верхом неприличия. Не сразу, но мне удалось его в этом убедить. Взамен утраченных лягушек, быстро наловили гигантских плотоядных улиток, чем удовлетворили тягу Ленгдона к французской кухне.

И вот настал момент истины. Истосковавшиеся по женскому телу, пардон – теплу, «береты» столпились у корзины. Принцессы тревожно квакали, прятались друг за друга и лезли на дно корзины, несмотря на все мои уговоры. Высокая честь – первому поцеловать заколдованную лягушку была предоставлена юному капралу Джиму Хокинсу. Я запустил руку в корзину выбрал невесту посимпатичнее, и аккуратно сунул ему в трясущиеся руки. Все замерли. Джим вытянул губы трубочкой и нежно чмокнул перепуганную лягушку. Сразу видно, целоваться он еще не умел. Но девушка, которая крепко сжала его в своих объятьях, научит его этому вне всякого сомненья. Да, права была старая жаба, таких красавиц в природе просто не бывает. Да если бы лучшие модельные агентства мира узнали о возможности такой

метаморфозы, они собрали бы всех своих худосочных девиц и отправили к нам на переделку. От красоты принцессы у всех просто перехватило дух. Стройная девица с обалденной фигурой, в дорогом платье с глубоким, как озеро Байкал, декольте, нежно обняла почти упавшего в обморок юного Хокинса, а потом сама крепко поцеловала его в губы. Толпа взревела и стала выстраиваться в очередь. Дело чуть было не дошло до драки. Первенство в очереди пытались определить по стажу службы, по званию, должности, короче говоря, я так и не понял, по какому принципу они построились. И дело пошло. Я, не глядя, вынимал лягушку, счастливый очередник ее целовал, толпа радостно редела, и счастливчик, в обнимку со своей избранницей, отходил в сторону. Иногда попадались самцы, но они ни в кого не превращались, поэтому их, брезгливо утираясь, выбрасывали в ближайшие кусты. Конвейер по превращению лягушек в принцесс работал на всю катушку. В сторонке стояли, счастливо обнявшись примерно пятнадцать пар. Неоневесченными остались сержант Элтон, по этическим соображениям, нервно курящий и переживающий утрату ценного лабораторного материала, доктор Крюгер и ... капитан Ленгдон. Как настоящий джентльмен, он пропустил вперед подчиненных. И вдруг, лягушки кончились. Я заглянул в корзинку и увидел там, одинокую старую жабу. Автоматически вытащил ее и подал капитану. Или он не успел рассмотреть, что целует, или выпитое виски значительно приукрасило красоту старого земноводного, но,

слегка покачнувшись, и в тоже время галантно, как истинный француз, Ленгдон, слегка коснулся губами покрытой бородавками спинки. Если жаба и была заколдованной принцессой, то наверно очень долго. Механизм обратного перевоплощения у нее, скорее всего, заржавел. В полном молчании капитан задумчиво держал жабу на ладони и вдруг... Ну дальше вы знаете, картина стандартная, за одним маленьким исключением. Перед ним стояла не молодая девушка, а женщина с самым расцвете своих бальзаковских лет, как две капли воды похожая на Венеру Милосскую, только с руками. Она крепко и страстно поцеловала потерявшего дар речи капитана, а потом тоже самое повторила со мной. Я услышал, как за спиной чем-то мрачно грюкнула Кейси, а может она, просто передернула затвор? Не знаю, не знаю. С самого начала процедуры освобождения угнетенных женщин Средневековья, она загрустила и отошла в сторонку. Кроме того, я вдруг начал ловить на себе сочувствующие взгляды, причина которых была мне понятна. Но как говорить, от добра – добра не ищут, все было бы гораздо хуже, если б меня вздумал поцеловать старший сержант Элтон.

Я подошел Кейси. Она мрачно бомбила дротиками точку на карте с надписью «замок Пепина Короткого», слово «Короткого» было зачеркнуто, а снизу написано «Длинного». Еще ниже была приписка – «Исправленному – верить. Капитан Ленгдон». Кто такой, этот Исправленный, и в каком он звании, не упоминалось. Нежно обняв ее за талию, я стал

рассматривать карту, нашел лагерь американцев и помеченное крестиком место падения самолета и задумался. Место героической гибели «Неспешного» и все наши базы, включая Новый Петербург, были гораздо восточнее. Сразу возник резонный вопрос, что тогда я делаю здесь у замка таинственного Пепина Короткого, извиняюсь, согласно приписке на карте, Пепина Длинного?

Глава 9

Обняв за талию загрузившую Кейси, я оглянулся – веселье продолжалось с утроенной силой. В этот день женский балет трактира «Мыльная рожа» навсегда потерял многих своих пылких поклонников. За старым армейским складным столом собрался весь цвет женского высшего общества Магического Средневековья. Здесь были принцессы, инфанты, герцогини, графини, баронессы и другие королевские родственницы со всей Европы, но особенно экзотично смотрелась прильнувшая к заместителю командира базы по разъяснению политики президента и конгресса США, старшему лейтенанту Смоллетту, японская принцесса Хаара Кири в цветном кимоно с самурайским мечом за поясом.

Решив ковать железо, пока горячо, некоторые особо нетерпеливые девушки сразу начали обсуждать свадебную церемонию. Сержант Хокинс неумело пытался объяснить своей невесте, внучатой племяннице графа Вильгельма Чифтена, что сейчас не очень подходящий для этого момент. Джим старался втолковать ей, что у его бедной мамы в Лас-Вегасе пятизвездочный отель «Адмирал Бен Боу», и старушке совершенно не на кого оставить свой хлопотный бизнес, чтобы приехать на свадьбу. Но эти аргументы не являлись фактами для будущей мадам Хокинс, и она продол-

жала упорно гнуть свою линию, перечисляя на скорую руку составленный список из пятисот гостей. Судя по всему, когда мои новые американские друзья протрезвеют, им будет, чем заняться кроме таинственных проблем Пепина Короткого. Я посмотрел на свою невесту и решил, что мне пока лучше не трезветь. Налив пол стакана виски, я хлопнул его одним махом под одобрительные крики американцев. Кейси снова похорошела на глазах.

– Слушай, друг, – ко мне пошатываясь, подошел Ленгдон, – а что у тебя за звание такое – прапорщик? Ты вообще, по нашей классификации кто?

Я задумался. В американской армии прапорщиков нет – это их главная ошибка и трагедия. Я еще немного празмыслил на эту тему, потом оперся о Кейси и сказал:

– По вашей класси..., класссссс..., по-вашему, я главный сержант, только гораздо круче. По уровню крутизны, мы – российские прапорщики не ниже американского майора. Русская армия вообще непобедима, пока в ней есть мы! – и я ткнул пальцем в погон. Капитан тоже с изумлением принялся считать на нем звездочки, но все время сбивался со счета.

– О нас даже поэты в России стихи сочиняют! – гордо сказал я.

– Не может быть, – покачал головой Ленгдон. – Не верю!

– Ты меня уважаешь? – задал я капитану вечный русский вопрос.

– Уважаю, – сказал он, – но не верю!

– Не веришь? – переспросил я,

– Не верю! – стоял он на своем. Какие упрямые эти американские вояки!

– Тогда слушай! – Я набрал в легкие воздуха и начал.

– Стихи о российском прапорщике.

Прапорщик и армия – близнецы-братья!

Кто более для матери-истории ценен?

Мы говорим, прапорщик – подразумеваем – армия!

Мы говорим армия – подразумеваем....

Тяжелый арбалетный болт выбил оконное стекло и с неприятным звуком вонзился в стол, разбив бутылку виски.

Капитан потрогал пальцем стрелу и сказал:

– Я говорил вам – не надо называть Пепина – Коротким!

Вечеринка разом закончилось. Видно, я сильно перебрал, потому что в первых рядах бросился на оборону лагеря. Справа, из леса летели огненные стрелы, то ли магические, то ли арбалетные сразу не разобрать. Спереди, что-то горело и взрывалось. Рядом со мной, по лесу начали лупить минометы. Сзади развалился сарай, и оттуда выползли два пятнистых «Абрамса». Из-за стены по ним ударили шаровыми молниями, но броня, замерцав голубыми искрами, отразила творения доморощенных колдунов. Справа Кейси стреляла в темноту из М-16, а я, вытащив из кобуры пистолет, тупо стоял посреди этого бедлама, наблюдая, как в ночном небе звездами салюта разлетались осколки отработанных заклинаний. Рядом оглушительно бухали танковые пушки, крупнокали-

берные пулеметы из угловых бункеров рубили лес заговоренными пулями величиной с сосиску... Потом их стук превратился, а за стеной послышалось нестройное пение «Интернационала».

– Это не Пепин, и не Педро Голубой. Это – марксисты-антиглобалисты! – сказала Кейси, – Магов у них сильных нет, они ж все материалисты, но упорные гады!

Гады, продолжая распевать «Интернационал» рванули через сделанный ими пролом в стене, как показалось прямо на меня. Я оглянулся. Оба «Абрамса» молчали, тупо задрав стволы в ночное небо. Импортные танки плохо переносят магические атаки, то ли дело наши родные тридцать четверки! Силы защитников таяли на глазах. Бункера с пулеметами заткнулись, минометчики, крепко обняв минометы, рухнули на землю и уснули мертвецким сном. Лишь кое-где, временами, слышались выстрелы и взрывы под аккомпанемент громко выкрикиваемых заклинаний.

Я не люблю магическую войну, Я вообще войну не люблю, но с применением магии особенно. Схватка здесь происходит стремительно, атаки молниеносны и незаметны, а последствия бывают настолько ужасающие, что заговоренная арбалетная стрела-киллер рядом с ними кажется детской игрушкой. Всякие визуальные эффекты в виде огненных стрел и сгустков, лишь побочный эффект используемый для устрашения противника. Так, во всяком случае, утверждает журнал «Магия – молодежи». Я очень хотел, чтобы хотя бы один

корреспондент из этого журнала оказался сейчас рядом со мной и посоветовал, что можно сделать против «Марксистов-антиглобалистов» с одним пистолетом Макарова и двумя обоймами к нему.

Я прыгнул в окоп минометчиков и стал отстреливаться. Марксисты были опытными солдатами. Они приближались короткими перебежками, прячась за укрытиями и явно не желая помирать ради своих идей. Вдруг мне на голову, в окоп свалился старший лейтенант Смоллетт.

– Все, – сказал он, показывая мне дымящиеся обгоревшие перчатки, – конец. Амулеты кончились, – он устало привалился спиной к стенке. – Game over, или как говорят у вас в России – полная хана.

Так вот чем еще занимался заместитель командира по разъяснению политики президента и конгресса. Он был штатным отрядным магом. Хотя мы, официально, и не приемлем магию как средство ведения современной войны, но неофициально, по возможности, ее используем. Это Смоллетт сдерживал натиск коварных врагов, и отбивал их атаки, запуская стаями фаерболы. Сильный мужик, но теперь и он выдохся. Все ближе и ближе были слышны призывы догнать Америку и набить ей морду, развалить Единую Европу, быть как Че, кое-где мелькали боевые вымпелы с портретами Уго Чавеса и Фиделя Кастро.

В пистолете осталось пара патронов, и я задумался о своей дальнейшей судьбе. Героическое самоубийство я отмел сра-

зу и, выглянув из окопа, начал искать взглядом Кейси и пути к отступлению. После всех злоключений я не собирался бесславно помирать в бою за засекреченную американскую базу. Взяв за шиворот обессиленного мага, я потащил его к комнате для совещаний. Она была самым укрепленным местом в форте. Тут неизвестно откуда, появилась моя невеста, с ног до головы заляпанная, чем-то красным.

– Кетчуп, – невозмутимо сказала она, перехватив мой взгляд, – на кухню пробрались сволочи. У них же все в банде по карточкам, оголодали. Ну, я их и покормила немного.

Она помогла мне затащить потерявшего сознание лейтенанта в дверь и презрительно оглянулась на притихших красавиц.

– Ну что, герлы, так и будем сидеть и смотреть, как ваших мужиков колошматят? О свадьбах думаете? А лягушками снова стать не хотите? – довольно мрачно произнесла она.

Принцессы задумались. Местные женщины предпочитают в мужские дела не влезать. Пока мужья и поклонники машут мечами, боевыми топорами и с автоматами наперевес штурмуют стены неприступных замков, они спокойно сидят и ждут своей участи. Вышивают крестиком и гладью, иногда посматривая из окна замка в бинокль, где там рыцарь ее сердца, жив или как?

Но сейчас ситуация резко обострилась. Ведь, как пишет все та же «Магия – молодежи», если особь мужского по-

ла, расколдовавшая принцессу своим пылким поцелуем, безвременно помрет до свадьбы, то бедной девушке лучше сразу идти самой на болото, или в дворцовый террариум – это кому как нравится. Поняв, какая их ожидает безрадостная перспектива, девицы сразу вскочили и толпой направились к выходу. Особенно меня впечатлила красавица Хаара Кирри, непринужденно и легко вытащившая из-за пояса самурайский меч. Другие дамы и не думали захватить с собой оружие, оно им было ни к чему. Только позже я узнал, что девушки, побывавшие в лягушачьей шкуре, приобретают, я думаю в виде компенсации за моральный ущерб, недюжинные магические способности.

Японка вдруг остановилась и, не убирая меча, с поклоном протянула мне, что-то на ладони. « Японский наладонник », – подумал я, но, увы, на ней лежал всего лишь старинный медальон на золотой цепочке.

– Не стоит благодарности, – скромно сказал я, отодвигая в сторону ее руку. Но принцесса не заметила этого благородного порыва и снова сунула медальон с настойчивой просьбой немедленно нацепить его на шею. До чего японцы вежливый и упрямый народ! Как свои церемонии любят. Тут драться надо, а она цацку пытается на шею повесить. Терпение Хаари (А как её еще называть ?) по-моему лопнуло и она нечаянно кольнула меня мечом в бок. Поняв, что японка так просто не отвяжется, я украсил шею антикварной вещицей. Тетки успокоившись, гурьбой ломанули на улицу.

Вы даже не представляете, что может сделать с бандой озверевших «Марксистов-антиглобалистов» небольшая группа девушек из хороших семей! Я тоже не представлял, пока не увидел сам. Сверкающий японский меч резко охладил пыл нападавших, наколдованное кем-то красивое озеро с крокодилами, не очень пришлось по вкусу агрессорам, головы марксистов долбили невесть откуда-то взявшиеся гуси-лебеди, размером с небольшого бегемота. Остальные фокусы я просто не успел рассмотреть. Мне вдруг стало ясно, что это далеко не простая банда.

Во-первых – она поражала своей численностью. Ее хватило бы для одновременного разгрома всех Макдональдсов Европы, во-вторых – имела мощнейшую магическую поддержку, Как бы еще они смогли прорваться на хорошо защищенную от всякого волшебства базу и вырубить Смоллетта? Что они забыли здесь, в тихой обители американских спецслужб, где нет ни одного ресторана быстрого питания?

Девчонки тоже стали выдыхаться – крокодилы в волшебном озере передохли, само озеро почти испарилось, а гуси, один за одним, превращались в крупных жареных индюков. Краем глаза я увидел, что из заколдованных танков вылезают злые танкисты, страшно ругаясь, проклиная антиглобалистов и размахивая тяжелыми ломami. Наверное, достали их из ремкомплекта. «Против лома нет приема», – подумал я и, подняв валяющуюся на земле М-16, взял ее за ствол, как бейсбольную биту. И вдруг мир изменился.

Глава 10

Земля стремительно ушла из под ног, а может, это я увеличился в размерах? М -16 показалась размером со спичку, я переломил ее пополам и выбросил. Блин, ну, сколько можно издеваться, дайте хоть помереть спокойно! Я что, снова в лягушку превращаюсь? От обиды я зарычал и щелкнул зубами. Зубами? Зубы откуда? У лягушек их нет. Или есть? Я посмотрел на руки, руки как руки, когти – просто супер. Снизу что-то кричала смутно знакомая японка и показывала рукой вперед. Маленький огненный шарик больно обжог мне ногу. Я заревел, нагнулся и, подняв за стволы два бесполезных танка, шагнул вперед.

Что было дальше, помню очень смутно. Я страшно рычал, топтался на позициях марксистов, плевался огнем. Хвостом перевернул сложное сооружение из труб, больших костей и бревен, и разметал в разные стороны два батальона вражеской пехоты. Не знаю, в кого я превратился, но точно не в лягушку. С высоты своего огромного роста я разглядывал, мечущихся в панике, людей, потом, взяв оба танка в одну руку, подцепил особо шустрого человечка в майке с портретом Че Гевары, поднес его поближе к глазам. Он уже не пел «Интернационал», а просто истошно орал. Кажется, он обмочился и не только. Я посадил поклонника команданте на верхушку

деревя обсыхать и двинулся дальше. Мне безумно хотелось подраться с Кинг-Конгом, или разрушить пару небоскребов. Полностью деморализованные марксисты в панике разбежались. И тут я увидел Черного Мага. Он, постоянно отхлебывая, что-то из черной бутылки, бил в меня заклинаниями, но от одних я уворачивался, другие парировал, а третьи мне были просто по барабану. Защита у моей кожи была, будь здоров. Я вдруг понял, что могу видеть волшебство. Вокруг мага клубилась чернота, он накапливал ее для удара, но я его опередил. Размахнувшись, швырнул прямо в его логово оба «Абрамса» и плюнул вслед огнем. Это были первые американские тяжелые летающие танки. Они взорвались с такой силой, что мимо меня пролетело несколько перепуганных гигантских ленивцев, прятавшихся в кроне деревьев, а огнем опалило морду. С «марксистами-антиглобалистами» было покончено. Я повертел головой в поисках небоскребов и увидел вдалеке башенки и флаги замка Пепина, уж и не знаю какого. Радостно заревев, двинулся к ним, ловя руками беспокойно кружащих птеродактилей и швыряя их в последних убегающих бандитов. Замок, конечно, не небоскреб, но сойдет. Вокруг стоял крик «Годзилла, Годзилла!». «Если нет Кинг-Конга, сойдет и Годзилла», – подумал я страшно щелкая зубами. И в этот момент земля стремительно бросилась мне в голову...

Башка кружилась и болела. «Годзилла, Годзилла!», шептал лежащий рядом на земле пожилой китаец с цветной та-

туировкой «Долой Единую Европу!» на груди. Хотя его глаза были широко раскрыты, он ничего не видел.

– Последний, оставшийся, антиглобалист, – сказала, сидевшая рядом со мной, Кейси. Я приподнял гудящую голову и огляделся. Мы опять были в комнате для совещаний. Доктор Ливси суетился рядом, не выпуская из рук мятую канистру с надписью «Живая вода». Здесь были почти все офицеры базы, исключая, наверное, лишь лейтенанта Крюгера. Доктор наливал воду из канистры в большую железную кружку и давал каждому выпить. После этого раненные вставали и, похлопав меня по плечу выходили. Капитан Ленгдон наклонился ко мне и прошептал, что сегодня же представит меня к Пурпурному сердцу и медали Конгресса.

– Мы победили? – спросил я.

– Победили, – капитан хмыкнул, – Вы, русские – удивительные люди! Что ж ты так долго тянул? Не мог сразу всех переколошматить? Нас же чуть не уколошили!

Я изумленно молчал, а в дальнем углу комнаты Хаара Кирри предупреждающе поднесла к губам палец. Интересно, на что она намекала?

– Извините, капитан, почти ничего не помню. Контузия, наверно – пришлось проямлить мне.

– Это всего лишь, последствия трансформационного шока, – сказал доктор.

– Что со мной было? – шепотом спросил я у Кейси, когда капитан вышел. Ох, лучше бы я этого не спрашивал.

– Понимаешь, – сказала она, – медальон, который повесила на тебя эта японская фифа, не просто антикварная цацка и не самурайский амулет. Это древний артефакт ее семьи, нашпигованный японской магией под самую пробку. Посмотри сам.

Я взял медальон в руку. Да, вещь явно стоит немало. Сразу видна старинная работа. По краям диска из неизвестного металла, но точно не из золота, шли иероглифы, а может – руны? А в центре был отчеканен какой-то зверек – хомяк или может белка. Я видел копию такого, или похожего, в Новом Петербурге на выставке «Артефакты Восточной Магии», назывался он «медальон перевоплощения». Меня бросило в жар.

– Это что, я в гигантского хомяка превращался, или кровожадную белку-убийцу?

– Нет, – улыбнулась Кейси.

– Ну, слава Богу, – я облегченно сказал.

– В хомяка, ты точно не превращался. – она отвела глаза.

– А в кого? Я смутно помню, что кем-то был.

– В Годзиллу, – ответила Кейси вздохнув.

– В Годзиллу? В национальное японское чудовище? – у меня перехватило дыхание, – Лягушка, теперь Годзилла. Вы что все тут обалдели! Срочно сообщите обо мне на российскую базу! – я попытался сорвать медальон с шеи, но ничего не получилось. Я дернул сильнее с тем же результатом. Попытка разорвать цепочку не принесла успеха. Бесплезные

попытки прервала неслышно подошедшая Хааря.

– Медальон нашел себе нового хозяина, – сказала она с поклоном, и как мне показалось, с облегчением, – и не расстанется с тобой, пока не захочет сам.

– Так что, я теперь все время буду в Годзиллу превращаться? – эта безрадостная перспектива повергла меня в глубокий шок. – Я что теперь – Годзилламен?

– Нет, – все с тем, же неизменным поклоном, – Амулет разряжен, пока.

Ох, чуяло мое сердце, что все этим кончится. Я хотел только отслужить положенный срок, срубить бабок, чтобы устроить свою дальнейшую жизнь. Ведь предупреждали меня, из Зазеркалья уйти, так просто не удастся. Думал – вражье, пронесет, и вот теперь допрыгался.

– Послушай, девочка, – обратился я к японке. Она в ответ снова поклонилась. – Я не могу принять такой дорогой подарок. Вещица слишком ценная. Что твой папа скажет? Или будущий муж спросит, милая, а где же тот красивый кулончик?

– Медальон сам, когда то выбрал нашу семью, а теперь он ушел к тебе, – сказала принцесса, – такова его воля, особенно после того, что ты сделал.

– Что же я сделал, такого страшного?

– Ничего особенного, – сказала Кейси, – Ты просто превратился в Годзиллу, разнес марксистов в пух и прах, зашвырнул, в лес два танка, стал ловить птеродактилей и бро-

саться ими, а потом отправился к замку Пепина Короткого, то есть Длинного. И на пол пути к нему снова стал человеком.

– Два танка? В лес? – я стал лихорадочно вспоминать мировые цены на американские танки. – Они взорвались? Или может, только слегка помялись? – и тут я вспомнил взрыв и летящих ленивцев.

– Кейси, – сказал я, – нам надо быстро собираться и ехать к своим. Господи, как же меня угораздило во все это вляпаться?

– А Кири говорит, что ты счастливчик.

– Я счастливчик? Как тогда выглядят неудачники?

– Кири сказала, что у медальона есть один маленький нюанс. После превращения в Годзиллу, хозяин медальона или навечно остается национальным японским чудовищем, а уж если и превращается обратно в человека, то сходит с ума и продолжает думать, что он Годзилла.

Я точно не был Годзиллой и себя ей не ощущал, значит – пронесло.

– А сколько будет подзаряжаться амулет?

– Хааря сказала, лет сто, – спокойно ответила Кейси.

Я окончательно успокоился и сделал большой глоток из кружки с живой водой. Голова мгновенно прояснилась, я почувствовал себя свежим и отдохнувшим и тут в комнату ввалились капитан Ленгдон и старший лейтенант Смоллетт.

– Сэр, – сказал капитан, – личный состав базы ждет Вас!

«Где он успел так быстро достать медаль Конгресса?» – подумал я и вышел из помещения.

Перед штабом был построен изрядно потрепанный личный состав базы. Над их головами гордо развевался обгоревший звездно-полосатый флаг. Такая трогательная сцена, хоть в кино снимай. Зал рыдал бы от умиления. Но тут капитан поставил меня перед строем и сказал:

– За беспримерную храбрость, проявленную при обороне объекта от значительно превосходящих сил противника, за находчивость при спасении мирного гражданского населения от колдовских чар я, властью данной мне президентом Соединенных Штатов принимаю прапорщика Российских Вооруженных Сил Макса Безумных в Почетные Зеленые Береты и присваиваю ему личный позывной «Годзилла»!

С этими словами он торжественно водрузил мне на голову, новенький зеленый берет и вручил портрет Джорджа Вашингтона, явно срисованный с долларовой купюры. Что можно было сказать в такой ситуации? Не орать же «Служу России!»? Но капитан сам нашел выход, он пожал мне руку, хлопнул по плечу, а я как можно бодрее гаркнул «Спасибо за доверие».

По базе словно прошли орды гуннов вместе со своими стенобитными машинами. Стена периметра была в одном месте проломлена, а в пяти расплющена и я даже догадываюсь кем. Через плац протянулась цепочка смутно знакомых трех

метровых следов. Все вокруг, если не горело, то дымилось, если не дымилось, то было разрушено. Американцам придется, сильно раскошелится на капитальный ремонт. Часть личного состава, причем именно та, которая не была на вечеринке у капитана, сразу после построения, срочно отправилась за стройматериалами в район моего болота. Мне кажется, в ближайшие дни все лягушки в округе будут беспощадно перецелованы.

Удивляло почти полное отсутствие потерь среди личного состава. С одной стороны это объяснялось наличием на базе большого количества охранных амулетов заметно уменьшавших силу удара, а с другой стороны солидный запас живой воды, своевременно заготовленной доктором Ливси.

Погиб, или бесследно исчез, проявив чудеса храбрости, только лейтенант Крюгер. Говорят, что он с последним ящиком гранат бесстрашно бросился в самую гущу марксистов. Что с ним случилось дальше, никто не знает, так как именно в этот момент я превратился в Годзиллу. И стал в этом ночном шоу звездой номер один. Взрывом мощного файерболла лаборатория Крюгера была разрушена до основания. Вокруг были разбросаны обугленные клетки и кормушки. Я поднял с земли обгоревшую книгу. Она называлась «Порфирий Соломонович Зигельшухер. Промышленное разведение кур несушек в средней полосе России. Сарапульское книжное издательство».

– Бедняга Крюгер, с отличием закончил Кембридж, Окс-

форд, Итон и Сарапульский сельскохозяйственный техникум, чем особенно гордился, – сказала Кейси, смахнув слезинку с ресницы.

– Но при чем здесь куры? – удивился я.

– Это была тема его секретной работы.

– По-моему, он страдал маниакальной тягой ставить опыты на несчастных лягушках, – я даже невольно вздрогнул от воспоминаний.

– Тяга к лягушкам у него по материнской линии. Его мама Клавдия Базарова, ведущая свой род от русских обедневших дворян, была известным биологом, по лягушкам как раз и специализировалась.

– Ну, а куры то здесь при чем?

– Ты индокур когда-нибудь видел? – спросила Кейси.

– Не только видел, но даже ел, – с гордостью сказал я. –

Они у нас в каждом магазине продаются в охлажденном виде. У них лапы такие огромные. Как у страуса.

– Эти куры были выведены в тайных лабораториях ЦРУ в 60-е годы прошлого века, во время войны во Вьетнаме, специально для борьбы с вьетконговцами.

– С кем, с кем? – не понял я.

– С вьетнамскими партизанами. Первоначально индокуры отличались свирепым нравом и исключительной кровожадностью. Пять индопетухов в клочья разрывали бенгальского тигра, и командование санкционировало массовую выброску кровожадных птиц в контролируемые партизанами районы.

– Ну и что? – спросил я, потрясенный этой неизвестной страницей вьетнамской войны.

– Что, что? – ответила Кейси. – Наши стратеги не учли постоянную нехватку продовольствия у красных и их дьявольскую хитрость. Вьетконговцы приручили этих птичек, солидно пополнив свой рацион. Наши аналитики обнаружили ошибку, но было уже поздно, разведение индокур партизаны поставили на широкую ногу. Они даже умудрились через третьи страны наладить поставки индокуриного мяса и яиц в США. Это один из самых крупных провалов нашей разведки в прошлом веке, после Перл-Харбора, конечно.

– Ну, а причем здесь несчастный Крюгер? – не понял я.

– Выведением породы боевых индокуриц занимался его дедушка. Он постоянно пытался повысить свирепость своих питомцев, работал над этим и день и ночь. И вот однажды ему удалось вывести породу страусокур, или куростраусов, птиц отличавшихся феноменальной кровожадностью. От радости он забылся и, задумавшись о чем-то своем зашел к ним в вольер.

– И что дальше? – спросил я

– А ничего, малыш Крюгер лишился дедушки. – Кейси бросила книгу на разбитые клетки.

– Слушай, а чем здесь занимался сам Крюгер? – я показал рукой на разбитые клетки, – Может его тоже, того, а ....

– Дятлы? – усмехнулась моя невеста, – Не думаю, что они на это способны.

Я обнял ее за талию и мы отправились посмотреть, что стало с пищеблоком, к тому же очень захотелось есть, может это побочный эффект от применения живой воды? И тут мне попались на глаза, выпавшие из перевернутого грузовика упаковки свежего выпуска журнала «Супермужик». Разорвав бумагу и вынув один журнал, я взял его с собой, почитать перед сном...

Кстати, откуда америкосы узнали мое имя? Я не представлялся. Или представлялся? Надо бросать пить. Или значительно уменьшить дозу ...

Глава 11

В старом, когда-то роскошном кресле, сидел здоровенный негр, черный как его кожаное пальто. Перед ним, на железном, местами ржавом, столе стояли два завернутых в фольгу шоколадных зайца. Один был зеленый с красными пятнышками, а другой красный с зелеными. Негр безуспешно пытался сделать себе маникюр с помощью зубов и большого сильно зазубренного кинжала. Выполнить эту процедуру, не снимая черных очков, было непросто. Иногда он больно кусал себя за палец, начиная после этого тихо рычать и стучать кулаком по столу. От этого грохота я и проснулся, попытался встать, но не смог. Ноги и руки были крепко связаны, рядом, точно так же спеленатая, лежала Кейси. Все-таки, мы оказались с ней в одной кровати.

Негр увидев, что мы открыли глаза, перестал грызть ногти и радостно улыбнулся.

– Ты проснулся! – сказал он глухим басом. – Хочешь узнать настоящую правду?

– Хочу, – сказал я, уже ничему не удивляясь. Не превратили в земноводное и на том спасибо.

– Ты должен сделать выбор, – не слушая меня, продолжал вещать негр, – если хочешь узнать истину. Для этого надо принять решение и узнать смысл и тогда до тебя дойдет...

– Что надо узнать? Правду? Или истину? Или обе сразу? – спросил я.

Негр остановил поток философской мысли и задумался. За стеной комнаты, что-то гудело и вибрировало.

– Если ты все-таки хочешь узнать правду, то ты должен сделать выбор

«Его видно заклинило»– подумал я, а негр продолжил:

– ...ты должен сделать выбор, какого шоколадного зайца съесть: зеленого с красными крапинками, или красного с зелеными.

– А у меня есть выбор? – я попытался пошевелить связанными руками.

– Выбор всегда есть, даже когда его нет, потому что это выбор, – для подтверждения своих мыслей он угрожающе махнул кинжалом.

– А что изменится от того, какого зайца я съем?

– Да ничего, – негр с сожалением посмотрел на недогрызанный ноготь. – Ты просто поймешь, что все на самом деле не так, как видится, да видится все не то.

«Господи! – подумал я, – как же угораздило сюда попасть? И где я вообще? На базе? Может, капитан получил указание связать меня и использовать как пешку в политической игре двух сверхдержав? Но при чем здесь Кейси?

– Ты избранный! – продолжал гнуть свою линию негр.

– Избранный для чего? – спросил я.

– Как для чего? – негр поправил ненаманикюренным

пальцем очки. – Избранный съест моего шоколадного зайца.

– Избранный кем?

– Мной, мной! – негр начал терять терпение, – Съешь зайца и поймешь, что все не так как кажется, и все не то, что мерещится, а мерещится не то, что хочется. И вообще все нереальное – реально, а все реальное – нереально.

«Какой умный негр», – подумал я.

А высокообразованный обладатель кожаного пальто рубанул кинжалом по столу и заорал:

– Ну, ты будешь, есть зайца, или нет?

Очнувшаяся от этого грохота Кейси с изумлением наблюдала за происходящим, одновременно делая сложные манипуляции связанными руками.

– Ты опять, Марафетус? – внезапно появившийся неизвестно откуда невысокий мужик неуловимо похожий на Бельмондо, грозно сдвинул брови. – Как ты всех достал своими зайцами!

– Это не зайцы, – стал оправдываться Марафетус, – это символы несовершенства нашего мира и его призрачной иллюзорности. Как говорил великий Конфуций...

Ствол маузера, упертый в черный плащ на животе, оборвал поток философской мысли не в меру просвещенного философа.

– Сколько раз я тебе говорил, – процедил сквозь зубы бородач, – не кури траву на вахте!

– Я не курю, – сказал Марафетус, заметно бледнея, – и, капитан, я не на вахте.

Капитан, не убирая в сторону руку с маузером, обнюхал негра и вынес свой вердикт.

– Действительно не курил, – он втянув носом воздух, и с такой силой ткнул стволом в обтянутый плащем живот, что Марафетус выронил свой кинжал, – опять жрал драконий гашиш! – капитан так треснул своего собеседника рукоятью, что с бедного негра свалились его стильные очки. Мужичек с садистским выражением на лице старательно на них наступил и взвел курок маузера. Негр не стал дожидаться продолжения и пулей выскочил из комнаты.

– Вот видите с кем приходится работать, – вздохнул капитан, пряча маузер в громадную деревянную кобуру. – Марафетус отличный солдат, превосходный стрелок, первоклассный ремонтник, словом – специалист широкого профиля, пристрастился к этой гадости. Намазывает ее на хлеб и жрет! Мерещится потом ему бог весть что. Рассказывает всем, что весь наш мир не реальный, а мы все в плену у машин, лежим обмотанные кабелями с рождения до смерти и гадим в трубочку. Себе требует называть Морфеусом и говорит, что он главный борец с тиранией машин. Все время ищет, какого-то избранного и говорит, что ему нужен телефон, чтоб на свой корабль вернуться. – Капитан вздохнул – И хлеб от него прятали и просто били, ничего не помогает, пристрелить бы его, да жалко очень ценный член команды. –

Тут он увидел стоящих на столе зеленых зайцев. – А еще пленных заставляет эту гадость жрать, – Два выстрела разнесли бедных животных на куски, причем маузера капитан не доставал. Кейси сразу перестала возиться и тихо залегла у стенки. – А какой толк от пленного, когда он эту гадость съест? – продолжал капитан, как ни в чем не бывало, – Абсолютно никакого. Марафетус вбил себе в голову, что кто съест отравленного зайца и выживет, тот и избранный. А что с покойником делать, хоть и пленным? Только за борт, выкуп за него не взять и не продать никому.

– А если кто-то выберет не отравленного зайца, – спросил я, – что тогда?

– Такого не бывает, он ведь обоих зайцев ядом накачивает, для верности – сказал капитан.

Я с ужасом посмотрел на обрывки зеленой фольги.

– Подлец, конечно, – продолжал капитан, – но любит его команда, так все и называют – «Ласковый мерзавец».

Я подумал, что при случае поквитаюсь с этим любителем шоколада. А капитан, резко наклонившись ко мне, перерезал веревки на руках, потом тоже самое сделал и с Кейси.

– Хорошо, что я вовремя успел, – сказал он, – команда могла лишиться своего любимца. Вашей смерти я бы ему точно не простил. Да и мне бы ее вряд ли бы простили.

– Что же в нас такого выдающегося? – спросила моя невеста, растирая затекшие руки.

– В тебе, девушка, точно ничего, с такими внешними дан-

ными, даже в гарем младшей наложницей-стажером для участия в полуночных оргиях слепых ходоков к султану, никто не возьмет! – нехорошо сверкнув глазами, сказал мужик, – А вот на нем, – он ткнул в меня пальцем, – можно хорошо заработать.

– На мне? Да за кого ты меня принимаешь! – Мне было очень обидно за Кейси, но с другой стороны я понимал, что он прав. – Я в гарем не пойду!

– На тебе, на тебе, дружок, – сказал капитан, – тебя ищут все кому не лень. Даже те, кому и не надо, все равно ищут. Но повезло только мне. – Он самодовольно улыбнулся.

– Вы его с кем-то путаете, – сказала Кейси. – У него ориентация не та.

– Я никогда никого ни с кем не путаю, потому что я – Бармалеус! Не знающий ошибок, капитан «Черной амальгаммы», – капитан гордо выпятил подбородок.

Показалось, что по лицу Кейси пробежала какая-то тень, но я еще не научился настолько хорошо разбираться в ее мимике.

– А ты, – капитан опять ткнул в меня пальцем, – русский военный с корабля «Неспешный» по кличке «Годзилла».

«Как быстро распространяются здесь новости, и это без радио и телефона», – подумал я, развязывая ноги.

По вибрации пола и корпуса было ясно, что мы на дирижабле. Самолет гудит по-другому. Но как нас сюда занесло? Последнее, что я помню, это яблоки, на кухне у Кейси, ку-

да пошли, чтобы оценить масштабы разрушений. Эх, говорила мне мама: «Не ешь не мытые фрукты!». Ах, мама, мама, как же ты была права! Здесь вообще ничего незнакомого есть нельзя! С другой стороны, если яблоки незнакомые, то, что тогда вообще есть? Армейским сухпаем давиться? Яблоки были сочные, красные, хрустящие, а пахли как! А потом сразу – негр с отравленными зайцами...

– Так ты знал, что я русский, и рискнул похитить? – я посмотрел на капитана, подумав, что он очень легкомысленно остался с нами один на один.

Об этом мне кажется, пришло в голову и Кейси, плавно начавшей движение за спину капитана.

– Не советую меня убивать, – предупредил Бармалеус. – На мне заговор Быстрой руки, я очень быстро стреляю и также быстро бью.

Кейси тихо вернулась на прежнюю позицию

– Знаю, знаю, что русский, но если бы ты знал, сколько за тебя дают! – продолжал капитан, сев на край стола – Объединенная коалиция Темных Магов обещает отгрузить два килограмма философского камня, конгресс шаманов Крайнего Севера «Увезу тебя я в тундру» – трех белых медведей натасканных на поиск говорящих мамонтов, организация «Джинны Ближнего Востока за запрет стеклянной посуды» просто обещает выполнить три любых моих желания не противоречащих их тридцати трем законам джинотехники, а про всех остальных даже говорить не буду. Поэтому не удержался и

рискнул. Как говорится, кто не рискует, тот не пьет...

– Обычно пьют на поминках того, кто много рискует. – перебила его Кейси.

– Я догадываюсь, чьи это могут быть поминки, – сказал Барм, выразительно посмотрев на нее. – А пока я хочу, чтобы вы подумали над одной вещью. Через час, мне придется выбирать, того, кто даст за вас большую цену. Не думаю, что они будут сторонниками гуманного отношения к пленникам, скорее даже наоборот. Поэтому я настоятельно советую рассказать мне то, что знаете вы, и чего не знаю я. И из-за чего вас хотят заполучить все мои, не отличающиеся высокими моральными принципами, знакомые. Может, тогда я передумаю, и решу воспользоваться этим сам. И так господа, у вас есть час. – капитан вышел зловеще клацнув замком двери.

– Ну, это вообще невозможные условия, – сказал я, – как я могу рассказать, то чего не знаю? И самое главное – у нас нет часов!

Глава 12

Трудно рассказывать правду, особенно ту, о которой не имеешь ни малейшего представления. А если и имеешь, то непонятно о чем. Я не тот за кого меня принимают, или я сам не представляю, кто я такой на самом деле? Сколько в российском ограниченном контингенте людей с моей фамилией, а главное с экзотической кличкой, полученной мною только вчера? У Кейси, какие либо идеи по этому поводу, отсутствовали напрочь.

Она сказала, что не собирается разбираться в хитросплетениях загадочной русской души. А то задумаешься, уйдешь в себя, побродишь там, такого понасмотришься, что сразу под ближайший паровоз, или ласточкой с обрыва, чтобы понять, почему люди не летают как птицы. Кейси добавила, что это по ее мнению третий извечный русский вопрос после «Кто виноват?» и «Что делать?». В этом тяжелом состоянии глубокой задумчивости и застал нас Бармалеус. Короткая черная борода, густые брови и дорогой камзол делали его очень похожим на классического пирата из детских книжек. Ног у него правда был полный комплект, на плече не сидела ни какая живность, но на поясе, по другую сторону от маузера висела украшенная драгоценными камнями, шикарная абордажная сабля.

– Ну, мон шер ами, какую простую и поучительную историю вы хотите мне рассказать? – спросил он, присаживаясь на край стола. Это и не удивительно, стульев в каюте просто не было.

– Мы знаем много историй, – мрачно буркнула Кейси, но капитан грубо ее оборвал.

– Молчи, ночной кошмар багдадского публичного дома для социально не защищенных слоев местного населения. Второй Шахерезады из тебя все равно не получится – сказал он с плохо скрытой иронией.

Я прыгнул вперед, на капитана. А что еще оставалось делать? Во-первых, я все равно не знал, что ему рассказывать, а во-вторых, с детства не люблю, когда при мне оскорбляют женщин, особенно моих невест. Рука у Барма оказалась действительно быстрая. Я еще в полете так получил от него ножами в живот, что сверкание искр в моих глазах слилось с блеском бриллиантов на эфесе сабли. Посадка получилась очень жесткой, с мощными шумовыми эффектами. На грохот заглянул обеспокоенный Марафетус и удовлетворенно улыбнулся.

– Я же говорил тебе, освободи свой разум, – сказал он и, наклонившись к капитану, стал что-то шептать ему на ухо.

И хотя меня в первую очередь занимала боль в животе, я увидел, как изменилась его наглая пиратская морда. Глаза Барма беспокойно забегали, и напряженная работа капитанской мысли стала заметна невооруженным глазом. Впро-

чем, думал он недолго. Окинув взглядом почти полную копию картины «Иван Грозный убивает своего сына», где роль безвременно почившего отпрыска монарха играл я, а царя Ивана Васильевича изображал Кейси, нежно прижимавшая мою голову к своей груди, он спросил:

– Жить хотите? – и, не дожидаясь нашего ответа, продолжил, – Значит так, ты, – он ткнул в меня пальцем (ну, сколько можно в меня тыкать, чем попало), будешь изображать моего страдающего тяжелым приступом аппендицита матроса. А ты, – он показал на Кейси, – его жена, сиделка и корабельный лекарь по совместительству. Лечить умеешь, раны и зубы заговаривать, кровь останавливать?

– Умею, умею, – быстро ответила Кейси. Мне показалось, что капитан впервые посмотрел на нее с интересом.

– Так и оказывай, – скомандовал он, и приказал Марафетусу быстрее принести в каюту кровать и еще что-нибудь, чтобы она стала хоть чуть-чуть похожа на лазарет.

Представления о лазарете у образованного борца с машинами были очень странные. Он притащил узкую, неудобную походную раскладушку с подозрительными пятнами бурого цвета, замызганную белую простыню, десяток банок, залитых сургучом, и кучу хирургических инструментов, часть из которых была явно позаимствована из камеры пыток. Затем подошел ко мне, протянул руку к шее и... затолкал поглубже за пазуху японский медальон. Потом сунул в руки Кейси большого шоколадного зайца в розовой фольге, и сказав:

«Освободите свой разум!» вышел, аккуратно прикрыв дверь. Изображать тяжелобольного было нетрудно. Боль не проходила, я очень натурально корчился на раскладушке и пытался сообразить, каким внутренним органам пришел конец, в очередной раз, проклиная опрометчивое решение пойти на службу по контракту. Моя будущая вдова внимательно осмотрела все банки, а потом начала что-то быстро нашептывать надо мной, делая загадочные пасы руками. Боль внезапно прошла, тихо отступив на задворки сознания, а потом исчезла совсем. Ощущение было странным. Сразу захотелось продолжить коптить это небо, но я решил, что Кейси просто облегчила последние минуты моей несчастной жизни и заговорила боль.

– Сколько мне осталось, милая? – спросил я, еле слышно. Я первый раз назвал ее милой, а чего стесняться, все равно помирать. Но Кейси расслышала слабый шепот умирающего и впилась мне в губы таким страстным поцелуем, что я чуть не задохнулся.

– Ты будешь жить долго, милый, – нежно сказала она, дав мне, возможность всплыть на поверхность и глотнуть воздуха, – Очень долго, потому, что любого кто захочет тебя убить, я сама просто разорву на части голыми руками.

– А как же это? – я показал руками на живот.

– Не волнуйся! Все залечено. – спокойно сказала она, – Там и дел было немного: разрыв селезенки, отрыв печени, обширное внутреннее кровотечение и глисты, целая коло-

ния.

– А глисты, откуда? – я вскочил с кровати, – Откуда глисты могли взяться? Да еще целая колония?

– Ничего удивительного. – пожала плечами Кейси, – Милый, ты что забыл где находишься? Ножны у Барм Аллея не простые, а заговоренные. Зацепит кого-нибудь ими случайно, извиниться, конечно, сразу, а через пару неделек глисты и сделают черное дело. Человек, которого он зацепил, раз и оочурился, а виноватых конечно никто искать не будет. Скажут, что покойник сам виноват, нечего было плохо просоленное сало молодого бронтозавра жрать, или недожаренной пещерной медвежатиной закусывать. Но успокойся, ты теперь практически здоров, не считая кариеса в нижнем правом глазном зубе, так что лежи спокойно, изображай смертельно больного.

Я лег на раскладушку и начал громко стонать, потом, поняв, что стон получается немного не тот, добавил в него трагизма. Удовлетворенный полученным результатом спросил:

– А где ты так лечить научилась? Тоже наверно Оксфорд с Кембриджем закончила?

– Откуда у бедной девушки такие деньги? – фыркнула Кейси, внимательно разглядывая банки на столе, – Я в Экспедиционный Корпус пошла, чтобы как раз денег на учебу заработать. А заговору, которым я тебя вылечила, меня научила бабка-повитуха из замка Пепина Короткого. Он для помощи роженицам применяется, ну и общий оздоровитель-

ный эффект тоже, конечно, налицо.

Я внимательно прислушался к своим ощущениям, схваток не наблюдалось, и на том спасибо.

– Тут мы с тобой похожи. – сказал я. – Я тоже в Ограниченный Контингент пошел, чтобы бабок побольше срубить.

– Порубить старушек? – удивилась Кейси, – За что?

– Это образное русское выражение. Срубить бабок – значит накопить капусты, то есть заработать денег. Понятно?

– Понятно. Какой у вас русских бесподобный язык! Там есть еще такие интересные выражения. Я их в Нью-Йорке, на Брайтон Бич слышала. – и Кейси открыв рот приготовившись их повторить.

– Не надо, не надо, – попросил я, – это древние русские магические заклинания. Мои предки использовали их против набегов кочевников. У врагов от этих слов кони дохли на бегу. Увидят дозорные в степи очередную орду, позовут дежурного волхва, выйдет он на крепостную стену, гаркнет «Волхвы не боятся могучих владык!» да как обложит всех по матери и всей орде крышка. Не то, что кони, кочевники с ног валились. Тут, конечно, ворота открывались, выбегали славные былинные богатыри разные Ильи Муромцы, да Алеши Поповичи и давай всех супостатов мечами шинковать. Так на этих словах Русь и держалась.

– Кони дохли? – Кейси была потрясена.

– Дохли, дохли, пока не привыкли, потом в каждой орде при табуне находился специальный толмач, который с дет-

ства жеребят потихоньку матом и откладывал, иммунитет прививал. Некоторые, слабенькие, конечно не выдерживали, дохли. Но естественный отбор свое взял, все стали матоустойчивые.

– Да, велик и могуч русский язык. А у нас никто не знает об этом эпизоде вашей богатой истории.

– Я думаю, знают, но молчат.– сказал я – У вас же пол Америки русских. Ты лучше скажи мне, что это за «Черная амальгама»? Я о ней вообще никогда не слышал.

Розовый шоколадный заяц одиноко стоял на столе среди банок и ржавых хирургических инструментов.

– Ты и не мог слышать, милый, – ответила Кейси, – этот корабль, как и его капитан известны совсем под другими именами. Ты знаешь его под названи...

Дверь открылась. Я дико и трагично застонал, вцепившись в руку своей невесты скрюченными пальцами человека, умирающего от бубонной чумы, в холерном отделении больницы, зараженной секретным штаммом сибирской язвы, вырвавшейся на свободу после незапланированного радиоактивного выброса с атомной электростанции, вызванного поворотом сибирских рек на Юг, при глобальном потеплении после падения второго Тунгусского метеорита.

Глава 13

– Как мучается этот несчастный, – сказал, качая головой, невысокий старичок в тюрбане и расшитом звездами восточном халате, вошедший в каюту вместе с капитаном и Марафтусом – Может высокочтимый капитан даст ему немного живой воды? Прошу меня простить, о летучие ковры моей души, но я думаю, что она, несомненно, есть у вас где-то в бутылках, а?

– О нет высокочтимый Хаттаб, ибн Махмуд сын Саддама, – в один голос возразили капитан и Марафтус, – мы давно уже в пути. Испытали множество лишений, матросы моего экипажа были ранены неисчислимое количество раз, поэтому вода закончилась.

– А бутылки, бутылки где? Может, в них осталась хоть капля живительной влаги, о, амфоры моего сердца, – не унимался старичок, энергично тряся длинной белой бородой.

– Все разбились, был тяжелый бой. Прямое попадание шаровой молнии увеличенного радиуса действия. – с тяжелым вздохом сказал Марафтус.

– Что-то я не видел у вас больших разрушений, о, изумруды моих сомнений, – прищурился Хаттаб и характерным жестом взял себя за обшлага халата, в этих местах прилично затертого.

– Она была специально на живую воду натаскана, направленного действия, – пояснил капитан

Старичок, похоже, ответом не удовлетворился и закружил по каюте в поисках неизвестно чего. Я дико стонал, капитан, что-то тихо говорил Марафетусу, причем я отчетливо услышал слово «гад». А высокочтимый Хаттаб остановился перед Кейси, стоявшей с горестным лицом у моего изголовья, и впился беззастенчиво впился в нее взглядом.

– А это что за женщина с непокрытой головой, и почему в мужской солдатской одежде? – спросил он.

Тут конечно мы прокололись конкретно. Ну, кто мог подумать, что вид грустящей Кейси вызовет у дедули такое негодование, и кто он такой вообще?

– Это, без пяти минут безутешная вдова несчастного умирающего матроса, наш судовой лекарь по совместительству, – пояснил капитан. – а одежда у нее вся износилась до такой степени, что стало просто нечего одеть, и чтобы не смущать команду и соблюсти нравственность, ей пришлось одеть одежду мужа, тем более ему она больше не понадобится.

Я страшно и трагично завыл, а у старичка загорелись глаза.

– У нашего высокочтимого солнцеподобного султана Каш Каша Второго, да продлятся его дни до следующей геологической эпохи, недавно трагически скончалась любимая младшая помощница седьмой ночной подтиральщицы, по-

этому во дворце катастрофический некомплект прислуги. И это в такое тревожное время, когда вокруг дворца рыщут банды Алладина, а на наши цветущие прибрежные города совершают дерзкие набеги морские разбойники Синдбада Морехода. – сказал он. – Пользуясь правом чрезвычайного и полномочного визиря по контролю границы, и руководствуясь законами военного времени, я конфискую у вас эту девицу.

«Чем это ему Кейси приглянулась?», – подумал я и дико застонал.

– О, господин, – бухнулась в ноги старику моя невеста, – Я с радостью пойду в услужение к слепящему глаза своей красотой Каш Кашу Второму, но моя религия запрещает сделать это пока жив мой несчастный муж. У нас, в церкви колотунов-вельяминистов двенадцатой ночи, это считается самым страшным грехом.

– Ну, это дело поправимое, – ласково сказал похотливый старый козел.

Он, молниеносно выхватив кинжал, сорвал с меня простыню, которую я натянул по самое горло и со всей силы ударил своим ножичком из дамасской стали в мою незащищенную грудь. Кинжал уперся острием клинка в самурайский медальон и с легким звоном, разлетелся на тысячу мелких осколков, как закаленное автомобильное стекло, а самого коварного старикана словно долбануло током. По халату побежали мелкие молнии, борода встала дыбом, а тюрбан за-

дымился. Но кровожадный пенсионер, качаясь, все еще стоял на ногах. И тут Кейси, до сих под сидевшая на полу, одним прыжком опустилась коленями на длинные носки расшитых золотом туфель, и толкнула похотливого козла в слабую старческую грудь. Из туфель он, естественно вылетел, и с грохотом врезался в переборку. Дирижабль вздрогнул. На лицах Барма и Марафетуса застыло выражение ничем не прикрытого ужаса. А ужаснуться было чему. Старичок стал стремительно увеличиваться в размерах. Халат просто разлезся по швам, чалма, вспыхнув, осыпалась пеплом, а борода отвалилась. Вместо этого у старичка разгладились все морщины, выросли клыки, рога, когти и кожа приобрела устойчивый синеватый оттенок. Да и не старичок это уже был, а самый настоящий джинн в боевой трансформации и очень раздраженном состоянии. Глаза его горели, как две ксеноновые фары в тумане, в их свете на когтях играли очень неприятные блики, а на голом торсе вспыхивали и переливались огнями, как гирлянды на елке, сотни татуировок довольно фривольного содержания.

– Не надо было так увлекаться процедурами омоложения стволовыми клетками. – сказал я джинну.

– Молчи, смертный! – проревел он.

Разум Марафетуса резко освободился, и негр грохнулся в обморок.

– Ты, мне нужен, – продолжал реветь джинн, – протягивая ко мне лапы.

– В каком смысле? – спросил я, быстро огибая стол. – Отвали, старый извращенец!

Оружия под рукой никакого не было, и я начал швырять в него запечатанные банки и псевдо хирургические инструменты. Но они не причинили Хаттабу никакого вреда.

– Зря стараешься, я бессмертный. Ты, помет облезлого шакала, сын бешеной ослицы. – сказал он, и дальше грязно выругался. – Я Хоттаб сын Садама, разнесу в клочья этот презренный корабль, но сначала заберу тебя с собой.

В этом даже не приходилось сомневаться, я стал популярной личностью в этом мире. Бросать больше было нечего, да и чем можно убить бессмертного джинна? Кстати, бродят упорные слухи, что Кошей Бессмертный тоже джинн, только перешедший в другую веру. Оставалась слабая надежда на самурайский амулет, я схватился за грудь, и нащупал во внутреннем кармане, что-то твердое. Это была пустая бутылка без пробки, из под коньяка подаренного мною капитану Ленгдону. Мы ее с капитаном на брудершафт и выпили. Как давно это было! Я размахнулся бесполезной пустой посудой, а джинн, хохоча, проревел:

– Напрасно стараешься, смертный, меня этим не возьмешь. Я прошел курс лечебной реабилитации и теперь могу совершенно спокойно смотреть на... – он близоруко прищурился:– «Коньяк Южнорусский. Пять звездочек...»

Дальше он читать не стал, как-то, странно крякнув, бросился вперед, и юркнул в пустую бутылку.

Пробка, внезапно нашлась в кармане брюк. Джин, занимавшийся обнюхиванием стеклотары, сначала этого не заметил, а когда обратил внимание, было уже поздно. Он очень грязно ругался на всех языках мира, включая, мертвые, угрожал, пугая меня самыми страшными пытками, а потом стал обещать все мировые блага и богатства, любовь красивейших топ моделей планеты и пожизненное освобождение от налогов. Я даже призадумался, но странную щедрость заключенного легко объяснила Кейси.

– Посмотри внимательнее на бутылку, милый, – сказала она.

Я присмотрелся, действительно внизу, над самым доннышком бутылки бежала едва различимая надпись: «Все обещания действительны, если они не противоречат тридцати трем законам джинотехники»

Дирижабль сильно потрянуло. Заскрежетала обшивка.

– Ифриты! Блин! – крикнул Барм и выскочил из каюты.

– Команда – «Газы», – заорал я, но противогаз от этого не появился.

– Успокойся, дорогой, это не газы, – сказала Кейси, вставая с пола и прижимаясь ко мне, – «иприт» и «ифрит», это, как говорят у вас – две большие разницы.

Я непонимающе уставился на нее. О джиннах я читал в арабских сказках и журнале «Магия и жизнь», а вот о ифритах – имел самое расплывчатое впечатление.

– Ифриты, – заполнила этот пробел моя невеста, – это раз-

новидность джиннов, только более тупая, злобная и безбашенная. Они используются в основном для охраны и диверсионных действий в глубоком вражеском тылу.

– Еще они способны за пару секунд угробить любую посудину, хоть воздушную, хоть плавающую, если конечно не увидят, пустую бутылку, – сказал пришедший, наконец, в себя, Марафетус.

– Тогда нам хана, – загрустил я. – Ну почему мы с Ленгдоном так мало выпили?

– А кто сказал, что у нас на корабле нет пустой посуды? – спросил негр.

Дверь открылась, и в каюту вошел перемазанный пылью Бармалеус, держа в руках две старинные бутылки с длинным горлом, в каждой из которых, кто-то возмущенно барахтался. Мой Хаттаб, выглянув из-за этикетки, начал громко возмущаться несправедливостью и требовать, чтобы его пересадили в посуду соответствующую высокому рангу. Пол резко накренился, а дирижабль рванул вперед с такой силой, что я удержался на ногах, только схватившись за стол.

– Марафетус, на мостик! – скомандовал капитан, – Боевая тревога, запасы бутылок к бою.

Не знаю, как экипаж его услышал, но сразу же завывла сирена, а за стеной раздалось звонкое бречание пустой стеклотары.

– Молодец! – похлопал он меня по плечу, – Не просто поймать джинна такого ранга, очень уж они устойчивые, га-

ды. – Он протянул руку к бутылке. – Вещь очень опасная, правил обращения с плененными джиннами ты не знаешь. Давай-ка ее сюда, пока не случилось чего. Они в таком состоянии очень нестабильны.

– Не давай, – быстро сказала Кейси. Я сразу прижал бутылку к груди. – Это единственная гарантия нашего освобождения. Она мило улыбнулась капитану. – Как только ты попытаешься сделать какую-нибудь пакость, он вынет пробку!

Капитан побледнел, и кисло улыбнулся:

– Как можно думать, что я смогу... После всего, что вместе пережили. Я благородный джентльмен удачи, а не грязный работороговец.

По натуре я человек доверчивый и капитана начал уже воспринимать почти как боевого товарища. Мои сомненья заметила Кейси.

– Милый, – спросила она, – как ты думаешь, называется этот дирижабль?

– «Черная амальгама», – простодушно ответил я.

– Ошибаешься, – сказала Кейси, – в нашем Северном, да и Южном полушарии он больше известен как «Белый Кролик»!

Захотелось вынуть пробку сразу, но я передумал.

– Обе бутылки с ифритами – сюда! – скомандовал я, взявшись рукой за горлышко. – Быстро!

На лбу капитана выступил пот, он шумно сглотнул и очень

аккуратно поставив на пол перед нами обе бутылки, быстро отошел к стене. Больше всего на свете я хотел выпустить джиннов сейчас, но при чем здесь Кейси? Ей умирать незачем. От злобы меня трясло изнутри. Рука все сильнее сжимала горлышко, я смотрел в глаза капитану и пытался представить, как он отдает команду уничтожить «Неспешный».

– А теперь вывешивай белый флаг и гони корабль на север, к первому военному российскому кораблю, который попадется на пути.

Сирена завывала особенно мерзко. В ее немзыкальный рев добавились глухие удары гонга.

– На Север не получится, – сказал капитан, – С Севера нас атакуют ифриты.

Глава 14

Ифриты летели клином, как перелетные журавли. Ближе к кораблю концы клина стали загибаться, стремясь взять его в кольцо. «Белый Кролик» выжимал все из своих моторов, или что там у него было, стараясь вырваться из окруженья, стремительно набирал высоту. Начинало холодать. Джинны летели ниже нас и некоторые рассекали воздух, перевернувшись на спину, чтобы лучше видеть цель.

На верхней палубе, сняв защитный колпак, экипаж готовил к бою странного вида катапульту, а корабельный маг, то ли друид, то ли чародей-растрига разогревал перед сражением руки. На растопыренных пальцах спокойно мерцали огни Святого Эльма. Я продолжал сжимать горлышко коньячной бутылки, а Кейси как гранаты, засунула за пояс пленных ифритов. Они с интересом наблюдали за боевыми приготовлениями и, по-моему, болели за своих. Хаттаб мирно спал, годы, наверное, давали о себе знать.

Мы, с Кейси, поднялись на боевой мостик вместе с капитаном. Глупо было сидеть в каюте без стульев и ждать своей участи, так и не увидев всего спектакля. Правда там была еще и раскладушка, но все же мы решили подняться. «Белый Кролик», он же «Черная Амальгама» была очень изящной скоростной бригантинной местной постройкой. О таких

пишут газеты, в отделах светской хроники: «Сегодня, на своей роскошной яхте премиум класса, Новый Петербург посетил наследный принц дон Эстебан Пятнадцатый. Он ведет переговоры с полномочным представителем Российского Императора об оказании помощи в отражении атак на побережье южноамериканских пиратов». Царственные особы именно на таких яхтах теперь и путешествуют. А меньшие им просто не по чину.

Эту Барм явно переделал на свой вкус. Число пушек заметно увеличил. Броню усилил. Корпус раскрасил непонятными знаками, напоминающими круги на полях Йоркшира. Но сейчас пушки были просто бесполезны, а на знаки ифриты вообще плевать хотели, но не могли, мы по-прежнему летели выше. Друид, воздев вверх руки и проорав, что-то типа «Гитлер капут!» поставил вокруг бригантины силовую защиту. Увидев, ее агрессоры лишь чуть-чуть притормозили, и злобно завывая, устремились вверх.

– Ифриты не любят летать на большой высоте, – сказала, зябко поеживаясь Кейси, – у них лапы и уши сильно мерзнут.

Но, не смотря на мороз, покрывавшиеся на лету ледяной коркой ифриты, изо всех сил старались добраться до «Белого Кролика». Стало трудно дышать. Давала о себе знать нехватка кислорода. К сожалению Барм не приспособил корабль для полетов в стратосфере. Далеко внизу, не знаю даже в скольких километрах, катило белые барашки бирюзово синее море с крошечными скорлупками кораблей. Маг швыр-

нул в ифритов подвернувшуюся под руку большую грозовую тучу вместе с молниями. Но от высоковольтных электрических зарядов эти подонки только взбодрились, согрелись, и тут с хриплым, кричающим звуком сработала катапульта. Такого странного оружия я еще никогда не видел и нигде о нем не читал.

Громадный красный ящик с надписью «копченое мясо молодых игуаноносов», перелетел ограждение и ухнул вниз. На нем моментально раскрылся раскрашенный каббалистическими знаками парашют. От резкого толчка дно у ящика вывалилось, и вниз посыпались маленькие беленькие парашютики с подвешенными к ним бутылками. Их тут же заметили ифриты, и резко изменив курс, с радостным воем бросились проверять содержимое. Через пять минут в небе, кроме плавно опускающихся в море летучих бутылок ничего не было. «Белый Кролик» от инея на самом деле ставший белым, устремился вниз, к теплому морю. Пленники в бутылке у Кейси негодуяще завопили. Оказывается, они были лично знакомы с командиром атаковавшего нас штурмового отряда. Они так громко рассказывали различные компрометирующие факты из его биографии, что разбудили спокойно дремавшего Хаттаба. Пожилой джинн внимательно выслушал лекцию о половых излишествах процветающих среди высшего руководства армии, сказал: «Мне это все глубоко безразлично, о драгоценные пункты приема стеклотары, это у меня двести пятьдесят шестая закупорка. Все равно най-

дется дурак, который выпустит!» и снова заснул.

Я посмотрел на исчезающие в волнах парашюты и спросил:

– А почему они обратно не выскакивают? Бутылки ведь не запечатанные!

– Смотри, – сказал капитан и показал посудину из второго красного ящика заблаговременно приготовленного к броску. На ее горлышке была закреплена защелка с пробкой. При раскрытии парашюта она становилась на боевой взвод, а как только джинн попадал в бутылку, джинноловка захлопывалась, и плавно опускалась вниз, чтобы не дай бог, не разбилась.

Если вернусь обратно живой и в человеческом облике обязательно напишу про это в «Магию – молодежи». Вспомнив о возвращении, я снова взялся рукой за горлышко и командовал:

– Теперь белый флаг и к первому русскому кораблю!

И тут нас снова тряхнуло и с такой силой, что я чуть сам не грохнул драгоценное произведение Верхнее-Кундрюпинской фабрики. Кейси, вцепившись в поручни, визжала как МиГ-35 на взлете, ифриты заткнули уши и рухнули на дно бутылок. Я глянул вниз и тоже заорал. Правый борт, украшенный трехметровой эмблемой журнала «Супермужик», терзала огромная курица с совершенно безумным размахом крыльев. Под громогласное «Ко-ко-ко» она безжалостно уничтожала творение неизвестного художника. Ди-

рижабль накренился на правый борт и начал стремительно терять высоту. Незакрепленный второй красный ящик с мелодичным звоном перевалился через перила и не успев выпустить парашют, разлетелся от удара о голову чудовищной птицы. Сунув бутылку во внутренний карман, я зацепился за одиноко стоящий на палубе пулемет и дал вниз длинную очередь. Пули отскакивали от огромных перьев и, срикошетив, звонко щелкали по обшивке. Зря говорят, что птица Рух вымерла. Особенно сильно стенают по этому поводу экологи. Недопустимое вмешательство в мир Зазеркалья, исчезновение редких видов, спасайте природу – мать их, то есть нашу! Но эту природу не брал даже тяжелый крупнокалиберный пулемет. Кролик птичке быстро надоел, потому что был невкусный, и она заинтересовавшись мясными блюдами в меню, стала карабкаться на палубу. Народ малодушно ломанулся внутрь, оставив корабль практически на произвол судьбы. Лишь я стрелял и стрелял из пулемета, стараясь попасть птице в глаз. Если верить «Натуралисту Зазеркалья» птица Рух питается в основном слонами и бронтозаврами. Причем чтобы наестся, ей нужен один бронтозавр или несколько слонов, но я нигде не читал, чтобы она питалась пиратскими кораблями! С голодухи она что ли, или бронтозавры все закончились?

Раньше необоснованно считали, что этот яркий представитель пернатых похож на огромного орла с размахом крыльев, как у бомбардировщиков дальней авиации. Но рос-

сийские ученые во главе с известным естествоиспытателем, автором бестселлера переведенного на многие языки мира «Домашний таракан – коричневая чума двадцать первого века», знаменитым зоологом и путешественником, профессором Людоедовым-Тянь-Шанским убедительно развеяли это глубоко ошибочное мнение. Они научно доказали, что легендарная Рух – птица из семейства куриных, в процессе эволюции отрастившая огромные крылья и вынужденная питаться мясом. Теперь я на своей шкуре ощущал правоту отечественной науки.

Глаз размером с колесо от Оки, внимательно уставился на меня, двухметровый клюв хищно приоткрылся. Думаю, курица-переросток задумалась, как меня лучше проглотить. Как назло в пулемете закончились патроны. (Согласитесь, они всегда заканчиваются очень некстати). Я вытащил из-за пазухи бутылку с джином, надеясь напоследок испортить птичке, пищеварение и тут, в редкий экземпляр вымирающей курицы из ходовой рубки ударил луч призрачно зеленого света. Чистая магическая энергия. Пятьсот мегамерлинов, не меньше. Рух закрыла глаза, снесла огромное яйцо величиной с микроавтобус, обгадила пол палубы и рухнула вниз. В падении она раскрыла огромные тридцатиметровые крылья и паря в восходящих потоках, как самолет-гигант «Максим Горький», скрылась за горизонтом.

– Вот блин, какая живучая, и во сне летает! Автопилот у нее что ли? – сказал Барм, вылезая на палубу.

– Во сне? – не понял я.

– Во сне, во сне, – сказал капитан, – нет у меня кристалла такой мощности, чтобы эту зверюгу убить.

– А чем же тогда ты «Неспешного»... Гад!

– Как чем? Этим и усыпил. – ответил Барм.

– Усыпил?

– Усыпил, усыпил. На пол часика, чтобы смыться успеть.

А ля гер, сам понимаешь, ком аля гер.

У меня подкосились ноги. Усыпил, усыпил. А что же было со мной? И почему я стал лягушкой и попал в клетку? На эти вопросы ответов у меня пока не было.

Глава 15

Джинны всегда отличались буйным нравом и высокой трудоспособностью, но ко всему прочему слыли отличными строителями. Именно с их помощью построены египетские пирамиды, терраса в Баальбеке, Стоунхендж, Вавилонская башня, висячие сады Семирамиды и Колосс Родосский. Кроме того, множество различных замков, крепостей и дворцов по всему миру. В конце концов, оставшиеся без работы вольные каменщики и другие профсоюзы строителей возмутились, и провели через Святую Инквизицию закон «О запрете на использование иностранной рабочей силы». Часть джиннов успела эмигрировать в Зазеркалье, а часть была запечатана в бутылки и сброшена в жерла вулканов. Кое-где это привело к катастрофическим последствиям, таким как извержение Везувия и взрыв вулкана Санторин.

Джинны, это души Темных Магов скончавшихся от хронического пьянства и отправленные Великим Зеленым Змеем на перевоспитание. Сами джинны не помнят, кем они были. От прошлой жизни у них осталась лишь неумная тяга залезть в бутылку, и не только конечно в нее. В свободное от работы время они проникают в амфоры, бочонки с ромом, жбаны с брагой. Известен случай, когда пятеро матерых джиннов умудрились поместиться в перегонном ку-

бе местного алхимика. Некоторые даже селятся в лампах, если те заправлены спиртосодержащей жидкостью. Главная цель этого наказания, отучить Темных Магов от беспробудного алкоголизма, которым бедолаги страдают пожизненно, практически до самой смерти. Ведь только в пьяном виде, они могут совершать свои ужасные злодеяния и строить далеко идущие кошмарные планы. Так заведено с начала времен. Великий Зеленый Змей, свернувшись кольцом вокруг горы Кайлас на Тибете, внимательно наблюдает недремлющим внутренним третьим оком за перевоспитанием своих подопечных, или просто делает вид. Обычно на полное излечение уходит тысяча, другая лет. А некоторые индивидуумы так привыкают быть джиннами, что не хотят возвращаться в человеческий облик.

Ифритами становятся те из магов, кто и при жизни не отличался особыми талантами, и зарабатывал на жизнь, изображая замковых привидений, подменял в лесу ушедших в отпуск леших и, прикинувшись водяным, собирал незаконную мзду за переправу через реки и другие водоемы. Эти пили алкоголь самого низкого качества: самогон, стеклоочиститель замковых стекол, антифриз для лат и прочую гадость, а по ночам слизывали гуталин с сапог подвыпивших караванщиков. Став ифритами, они использовались обычно на военной службе, в качестве резерва главного командования султана и при проведении карательных операций.

Так из века в век все и катилось по накатанной дорож-

ке: джинны жили в лампах и бутылках, строили дворцы и от случая к случаю выполняли желания, пока тлетворное влияние нашей цивилизации не внесло некоторое разнообразие в сложившийся порядок вещей.

А началось все со старого безобидного детского фильма «Старик Хоттабыч» и голливудского мультика «Алладин» завезенных вместе с киноустановкой в Багдад неустановленным странствующим дервишем. Случайно на городской площади, где шел сеанс, оказалось несколько джиннов. Они только что построили большой дворцовый комплекс, без замечаний сдали его заказчику и теперь отдыхали перед возвращением в родные бутылки. «Как неправильно мы живем!», – подумали они. Восток, как известно, дело тонкое. С этого все и началось.

Масла в едва разгорающийся огонь джинноосвободительного движения подлили забредшие на Восток ленинцы седьмого дня. Осмотревшись на месте, они сначала хотели освободить угнетенных женщин. После того как при попытке провести революционную агитацию в гареме несколько активистов были пойманы, кастрированы и отправлены на работу евнухами в отдаленные труднодоступные гаремы, быстро отказались от этой непродуктивной идеи. Тут то и попались им на глаза, запыленные мутные бутылки с сургучовыми печатями.

У джиннов были все черты характера необходимые для пламенного революционера. Злобность, коварство, абсолют-

ная безбашенность, стойкая тяга к алкоголю и суровая дисциплина. Выкупив на все имеющиеся в партийной кассе деньги джинносодержащие бутылки и выпустив узников на свободу, ленинцы седьмого дня приготовились организовать РевДжинСовет и установить с помощью освобожденных узников свою ленинско-дехкано-джинскую диктатуру. Но джинны все решили по-своему. Иначе они бы просто не были джиннами. Вырвавшись на свободу, они не захотели организовывать ни какой РевДжинСовет, тем более с ничтожными непонятными людишками из далеких земель, да еще бороться за счастье еще более ничтожных (по их мнению) дехкан. Собрав вместе своих освободителей и сделав всем не очень сложную операцию, джинны организовали хор ветеранов партии, который отправили с гастролями по всему Ближнему Востоку. Под присмотром двух, особенно злобных ифритов, пламенные ленинцы седьмого дня фальцетом исполняли свои любимые песни про неба утреннего стяг, и то, что в жизни важен первый шаг, а также о своем боге, который такой молодой впереди, вместе с каким то юным Октябрем, что внушало слушателям некоторые сомнения в правильности его сексуальной ориентации.

Джинны быстро взяли под свой полный контроль Багдад, Хорезм, Бухару, Дамаск и все другие, менее крупные города, и полностью подчинили себе местных султанов, шахов и шейхов. Отдельные ударные батальоны ифритов навели такого страха на соседей, что те и думать перестали об изме-

нении внутривластического устройства сопредельных государств.

Первыми опомнились купцы. Джинны запретили продажу любых жидкостей в бутылках и установили в стране жесткий сухой закон. Этого добились, опасаясь развала армии, джинны высших категорий. К высшей категории джиннов относились те, кто просидел в бутылке более тысячи лет, следующими в иерархии шли пятизвездочные джинны, эти прохладались в запечатанной посуде, не менее пятисот годков и последними были трехзвездочные, самые молодые и горячие, не успевшие набраться жизненной мудрости за триста лет заточения. Ну, а об ифритах я уже говорил, им, сколько не сиди, ума не прибавлялось.

По неписанному закону, джинны должны, конечно, выполнять желания своих освободителей, но и здесь они смогли выкрутиться. Для этой цели был разработан специальный кодекс, состоящий из тридцати трех основных законов джиннотехники и трехсот тридцати трех производных вытекающих из основных, которые было запрещено нарушать при исполнении желания. Пока освобожденный джинн перечислял своему спасителю основные и производные законы, а также три тысячи триста тридцать три примечания у счастливица выпустившего его наружу начисто пропадали какие либо желания вообще.

Сухой закон сильно ударил по экономике и вызвал полную стагнацию в бизнесе и культуре. Поэтам нечего стало пить и,

следовательно, не о чем петь. Женщины в гаремах скучали, дрались, интриговали и подсыпали друг другу в шербет яд, всячески отлынивая от исполнения супружеских обязанностей. Купцы больше не водили на Восток караваны. Какой смысл переться тысячи миль за три моря, мимо разбойников и партизанающих в лесах орков, если в конце пути нельзя достойно расслабиться и отметить успешное прибытие? В Дамаске кузнецы перестали ковать знаменитые клинки. Солдаты, узнав об отмене фронтовых ста грамм, полностью потеряли интерес к боевым действиям, а зачем делать оружие, если некому воевать? Короче, народ заскучал.

Тогда, купцы и вспомнили об Алладине. Знаменитый укротитель джиннов давно отошел от дел и тихо жил в своем дворце далеко от караванных путей. Соседи избегали его и считали слегка чокнутым. Да разве нормальный человек будет иметь в гареме всего одну жену? Это не гарем даже, а издевательство над вековыми устоями.

Выслушал слезную мольбу земляков о помощи и, поняв, что оказавшееся снова в опасности отечество без него не обойдется, Алладин поцеловал Жасмин, подпоясался мечом, взял любимую обезьянку, поклялся не бриться до тех пор, пока на Востоке не будет посажен в бутылку последний джинн, и ушел в глубокую оппозицию существующей власти.

Алладинисты действовали просто, быстро, безрассудно смело и по-восточному коварно. Переодевшись женщинами,

они отчаянно флиртовали с джиннами, заманивая их в темные укромные уголки узких восточных улочек. Просидевшие сотни лет без женской ласки джинны шли за ними, как кот за валерьянкой, но в самый кульминационный момент они видели под одеждой не чарующие прелести восточной красавицы, а мускулистую волосатую грудь и плоскую стеклянную бутылку за поясом. Потери личного состава вскоре приняли такие размеры, что джинны стали бояться ходить по одному, и слонялись по городу парами и тройками, вызывая нездоровые пересуды среди горожан. Но и это не спасало узурпаторов. Бутылок под просторной восточной одеждой помещалось много.

И тут повстанцы столкнулись с новой проблемой. Внезапно кончились боеприпасы. Джинны уничтожили все гончарные и стеклодувные мастерские, под страхом смертной казни закрыли пункты приема стеклотары и перебили все существующие запасы бутылок, и запретили ввоз в страну любой посуды с узким горлышком. Сражаться против тирании стало нечем.

Глава 16

Из открытого грузового люка сами по себе вылетали ящики с пустыми бутылками, и плавно опускались в трюм парусника. Я все время поглядывал на небо, в надежде увидеть в лучах заходящего солнца, пятнистую сигару корабля, но кроме облаков, чаек, летучих рыб и вездесущих парящих птеродактилей там ничего не было. Глядя, как очередной ящик с надписью «Осторожно яйца молодых игуанодонов!» плавно скрылся в трюме «Черного мстителя британских морей», так немного претенциозно назывался корабль Синдбада, я спросил у Барма:

– А катапульта, зачем вообще была нужна? Зафигачил бы так бутылки и на парашюты не тратился, и расстриге своему работы подкинул?

– Можно, – согласился он, – но не нужно. Джинны, если магию учуют, ни за что в ловушку не пойдут. Осторожные они очень, вояки опытные, их на рахат-лукуме не проведешь. А без магии – всегда, пожалуйста. У них же страсть к бутылкам на подсознательном уровне.

– Магия – шмагия, ифриты – мыфриты, а ящик ценных боеприпасов – в море, плезиозаврам под хвост. – вздохнул Синдбад.

– Ты хотел, чтобы мы эту курицу покормили? – ехидно

спросил Бармалеус, взявшись за эфес сабли, – Посмотри, как эта гадина мою птичку изуродовала! – и он показал пальцем на куски разодранной ошибки. – Тебе крысе водоплавающей никогда не понять высокого чувства полета!

– Это я водоплавающая крыса? – закричал Синдбад, – Ты сам старая летающая обезьяна, врожденная ошибка эволюции!

Два капитана продолжили свой горячий диалог на языке одного вымершего народа, который я не понимал, но точно знал, отчего этот народ вымер. На всякий случай полез во внутренний карман и проверил пробку. Потревоженный джинн, что-то сонно пробормотал и снова затих.

Корабль Синдбада мы нашли примерно через полчаса после встречи с птицей Рух. «Белый Кролик» камнем спикировал к небольшой флотилии, стоявшей на якоре в неприметной бухте. Живописно одетые загорелые матросы с борта кормили собравшихся вокруг плезиозавров финиками и изюмом. Ящеры довольно урчали и просили еще. «Белый Кролик» завис над самой водой, и стал похож на выпрыгнувшую из воды и неизвестно почему, застрявшую в воздухе, как муха в янтаре, архаичную подводную лодку. Капитан, наплевав на наши с Кейси требования гнать дирижабль на Север, заявил, что он сначала разгрузится, а потом уже подумает куда лететь.

От возмущения Кейси хотела сломать ему что-нибудь, но вовремя вспомнила о заклятии Быстрой Руки и остано-

ла свой благородный порыв. Встав у перил ограждения, она нервно ударила по ним кулаком. Перила сломались. Капитан поморщился и ничего не сказал, а возившийся возле открытого люка Марафетус, вздрогнул. Ифриты, устав пересказывать друг другу одни и те же истории тревожной боевой юности, решили часть их вывалить на хрупкие ушки моей невесты. Они поведали, как в составе пятого противослонового ударного огнемётного батальона имени Султана Саида Закопанного В Песок, участвовали в осаде Карфагена. Рассказ Кейси, похоже, заинтересовал.

– Странно, о шпангоут моей души, я вижу, как ломают твой любимый корабль, а ты даже не порываешься отрубить голову нахалу? – сказал Барму, поднявшийся на мостик по сброшенной веревочной лестнице, загорелый парень с восточными чертами лица и короткой черной бородкой. На нем были шикарные алые атласные шаровары, заправленные в умопомрачительные сапоги из тонкой кожи непонятно какого зверя. Увидев таких красавцев, не одна модница на Большой земле удавилась бы от зависти. Костюм дополняла тельняшка, на которой я с удивлением увидел фиолетовый штамп «МО России». На боку болталась абордажная сабля с простым эфесом, а за спиной висел немецкий Шмайсер. Так мы познакомились со знаменитым Синдбадом – Мореходом, прославленным контрабандистом, путешественником из старинного рода Синдбадов – угнавших Ковчег.

Нас Барм представил как туристов и очень важных пер-

сон, которые зафрахтовали его посудину и любезно согласились по пути забросить груз героически сражающимся повстанцам. В определенном смысле, он был, конечно, прав. Потом капитан в красках рассказал о нападении пограничного патруля джиннов и о том, как я мужественно с ним совладал. Для подтверждения правоты его слов, пришлось показать бутылки. Синдбад после этого нас явно зауважал. Оказывается джинн, мирно спавший у меня за пазухой, никак не хотел верить Бармалеусу, что в больших ящиках находятся яйца динозавров, а не самое сильное оружие алладинистов, и только мое вмешательство смогло его в этом убедить. Я потрянул бутылкой, джинн выругался и попросил впредь не будить по пустякам. Свой рассказ о тяжелых боевых буднях капитан закончил глубоким умозаключением, что теперь потребуется много денег на ремонт поврежденной «Черной амальгамы» и на поправку здоровья старшего помощника Марафетуса, очень сильно повредившегося рассудком от перенесенных испытаний, поэтому цена груза естественно возрастает. Синдбад, как истинно восточный человек ни сколько не удивился, а стал торговаться. Именно этот торг и закончился бурными дебатами на языке давно вымершего народа.

Наконец, диспут о преимуществах воздухоплавания над мореплаванием завершился и плавно перетек в сугубо деловые переговоры. До меня долетали лишь обрывки фраз: «Пиастры», «динары», «чтоб, я сдох», «бедный Марафетус»,

«целый ящик целакантам на корм», «не жмоться, освобожденный народ поставит памятник», «памятник мне не нужен, деньги давай». Наконец, придя к взаимовыгодному консенсусу, капитаны ударили по рукам и решили по восточному обычаю, впрочем, не только восточному, обмыть удачное завершение рискованного предприятия. Синдбад, как радушный хозяин стал звать нас к себе, на «Черный мститель», это же усиленно предлагал и наш капитан, расписывая роскошь убранства и искусство повара на корабле Морехода, но мы с Кейси решительно отказались. Нас терзали смутные сомнения, что «Белый кролик» при первом удобном случае отправится в полет без нас. К тому же мне очень не понравилось, как этот загорелый обладатель русской тельняшки строит глазки моей невесте. Все понимаю, давно парень в море, без женской ласки, соленые волны, качка и все такое, но что самое неприятное Кейси, похоже, его знаки внимания нравились. Она мило улыбалась слушая рассказы ифритов об их участии в Пятнадцатой Пунической войне и временами стреляла глазками в Синдбада. Ну, это, уже ни в какие ворота не лезло. «Что она себе позволяет!», – подумал я. Ничто не внушает такой веры в свои силы, как наличие в кармане запечатанной бутылки со спящим пожилым джином.

Наконец наглый Мореход сдался и, согласившись отметить победу на «Белом кролике» отправился к себе, отдать, как он сказал «необходимые распоряжения». Врет он, врет, на самом деле, подонок пошел, наверное, афродизиаками за-

пасаться. Я вообще не знаю, как он к Кейси подступится, она девушка простая, может легко ему что-нибудь сломать, или оторвать.

Солнце почти село, на берегу, в джунглях, кто-то дико орал, судя по звуку, ломал вековые деревья и бил огромным кулаком в грудь. Океан загадочно фосфоресцировал. Плезиозавров разогнали или сожрали громадные морские зверюги, кружившие теперь в опасной близости к кораблям.

— А зори здесь дикие, — сказал я Марафетусу, который, свесившись через перила, кормил их своими шоколадными зайцами. Зверюгам, название которых я забыл, зайцы нравились, они призывно виляли многотонными хвостами и щелкали полутораметровыми клыками, но вскоре обе нырнули и всплыли уже кверху брюхом.

— Не надо было их кормить шоколадом вместе с фольгой, — сказал я негру и плюнул за борт.

За столом звенели бокалами и произносили тосты. Пахло шашлыками и вкусным дымком. Когда ветерок уносил эти запахи в сторону берега, там начинали громко бить барабаны, а деревья ломались с утроенной силой. Синдбад не сводя с Кейси глаз, играл на бадде. Для тех, кто не знает, поясню, бадд — это не биологически активная добавка, а такой экзотический восточный музыкальный инструмент, помесь мандолины и гитары. Под его заунывные звуки Мореход исполнял старинную профессиональную песню контрабандистов «Эй, маньяк — ты с лышком долго плавал». Кто такой

был этот лышок и куда с ним долго плавал бедный маньяк, я так и не понял, но песня была очень душевная и брала за живое. Сам певец тоже, я думаю, был не прочь взяться за живое, но руки были заняты инструментом. Синдбад так душевно завывал, стараясь строго следовать канонам средневековой восточной эстрады, что ифриты перестали рассказывать Кейси, как они пили на развалинах древней Трои, когда служили под началом Великого Халифа Абдуллы Лишенного гарема и восхищенно зацокали языками. Мой джинн тоже проснулся, но только затем, чтобы поинтересоваться, у кого так сильно болят зубы.

– Тебе в шоу-бизнес надо, – сказал я, опрокидывая рюмку водки, – такой талант пропадает. Деньги бы лопатой греб. Представляешь афиши по всему миру «Настоящий восточный шансон от Синдбада Морехода! В программе только лучшие хиты: «Багдад. Майдан. Зиндан. Самум северный», «А старый ящер на пруду, опять сожрал сковороду», «Гетера Сара» и многие другие. Проездом из Дамаска в Нью-Йорк, через Москву и Кантимировку. Спешите видеть!»». Ты талант в землю закапываешь, то есть в море топишь!

– Не надо о шоу бизнесе! – крикнул изрядно поддатый Бармалеус, с грохотом поставив изящный кубок на стол. – Не надо!

– Почему? – изумилась Кейси.

– Этот ваш шоу-бизнес мне всю жизнь исковеркал, – он поперхнулся, – вернее не мне, а одному моему очень, очень

хорошему другу!

Глава 17

– Служил он, много лет назад, при дворе Альфонса Мужественного в лейб-гвардейском гренадерском штурмовом полку имени Правого Чулка Солнцеподобной Императрицы Антанты Первой. Полк был этот не простой, а личного резерва его Императорского Величества весь на тяжелых бронированных трицератопсах. – Барм мечтательно прикрыл глаза, – Вы видели, как они идут в атаку? Топот стоит страшный, земля трясется, пыль столбом до неба, насадки на рогах сверкают, над облаком пыли вымпелы реют, знамена всякие. У зверюг глаза кровью налитые, так и ищут, кого забодать и затоптать, а сзади, на каждом звере, за костяным щитом лейб-гренадер в седле. Доспехи блестят, мечи наголо, жуть одним словом, враги как видят, сразу в обморок падают. – Барм забывшись выхватил саблю и рубанул ею воздух, его половина стола мгновенно опустела, но он этого не заметил и продолжил, – При дворе самые блестящие офицеры кто? Лейб-гренадеры! Они и без трицератопсов такого страха навели на всех, что у нас, то есть у них в любом кабаке была всегда открытая кредитная линия, пей, сколько хочешь, король заплатит. Может быть. И тут получает мой друг из своего родового замка письмо, мол, приезжайте скорее милорд домой, а то ваш папенька тяжело болен. Не понятно чем. То

ли съел, что недоваренное и ядовитое, то ли его тираннозавр бешенный укусил, то ли он тираннозавра, но папенька страдает очень. А вся родовая деревня Моргенштерновка волнуется и не знает, что делать в этой нестандартной ситуации. А дружок мой как раз на дуэли был. Сразу с тремя соперниками должен был драться, правда, по очереди. И поводы у всех пустяшные: у одного платок, по глупости, отравленный поднял, на котором зашифрованное донесение было вышито, у другого, плащ сдернул, тоже случайно. А у него сзади латы в облегченном варианте, не из железа с золотой инкрустацией, как положено, а из титана. Оно и понятно титановые латы и прочнее и легче, но кодекс рыцарской чести не позволяет такие носить, хоть тресни! А третьего просто плечом зацепил, а он как раз для увеличения мышечной массы, быстроты реакции и заживления старых разболевшихся ран наелся стимуляторов магических, разных мухоморов соленых, помета летучих мышей и прочей гадости. У него глюки и начались, побочный эффект у средства такой. Он вместо того, чтобы сказать «извините», взял и моего дружка тоже на дуэль вызвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.